

ЭКРАН

3-4
страницы

Открывается пленум
правления Союза
кинематографистов
СССР. Своими
мыслями о судьбах
кино делится доктор
философии В. Толстых

«Что есть прост-
ранство в грави-
ретах — на этот воп-
рос своим творчест-
вом отвечает извест-
ный график Федор
Константинов.
5 страница

Жизнь. Личность.
История. Об этом
раздумья критика
Лидия Гинзбург
6 страница

СЕГОДНЯ
В
НОМЕРЕ

СЦЕНА
9-10
страницы

Сегодняшний
выпуск
посвящен
проблемам
музыкального
театра

Перед вами один из 250
экспонатов уникальной ко-
ллекции «Золото Перу», при-
бывшей в Москву.
«Ужас шлема» — очерк о
экологической катастрофе в
Ташкенте
12 страница

СССР СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 12 ноября 1988 г. № 136 (6548) Газета Центрального Комитета КПСС ЦЕНА 10 КОП.

В Политбюро ЦК КПСС

В центре внимания очередного заседания Политбюро ЦК КПСС, состоявшегося 10 ноября, были актуальные вопросы реформы политической системы, осуществляемой в соответствии с решениями XIX Всесоюзной партийной конференции.

Была заслушана информация о ходе всенародного обсуждения проектов Законов СССР об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР. Обсуждение этих важных документов принимает все более широкий и заинтересованный характер. В Президиум Верховного Совета СССР в настоящее время поступило более 80 тысяч откликов от отдельных граждан и организаций. Многие специалисты в широком кругу трудящихся находят отражение в публикациях газет, в дискуссиях, проводимых по радио и телевидению.

В подавляющем большинстве откликов одобряется законопроект и вместе с тем вносится много поправок и уточнений. Есть и отдельные высказывания против ряда положений проектов.

Состоялся обмен мнениями по существу поднятых в ходе всенародного обсуждения вопросов. Подчеркнуто необходимо учесть замечания, среди которых много полезных и бесспорных, не оставлять без внимания ни одного довода. Такая работа уже ведется в комиссиях законодательных предположений палат Верховного Совета СССР, ее надо активизировать.

На заседании Политбюро выражена уверенность, что

На берегу Енисея

Поселок Черемушки — такая атмосфера в паспорте у строителей и эксплуатационников Саяно-Шушенской ГЭС. Они приехали сюда со всех концов страны и сейчас уже считают Саяны своей родиной. Могучий Енисей, непроходимая тайга не могли оставить их равнодушными. С самого начала строительства работали здесь мужи и женщины. Сергей Якимович и Людмила Румицкая, архитектор, его жена — искусствовед. Оба окончили Ленинский университет и нашли здесь применение своим талантам. С легкой руки все свободное время отдали выкопке. Дом мартизм получил широкую известность в нрав. Людмила Благодарила своим давним знакомым с Ленинградом смогла организовать здесь интересные выставки из собрания Русского музея, из Музея истории Ленинграда. Пульс культурной жизни в Черемушках не затихает. Сердце поселка — Дом культуры. В нем, помимо выставок, много интересных кружков, клубов. Это танцевальный ансамбль, секция спортивной гимнастики, миноритарной музыки. Вызывают здесь на гастроли известные артисты: В. Леонтьев, Р. Рыбачев, Н. Силарь.

С. Якимович и Л. Румицкая; Саяно-Шушенская ГЭС; С. Екстонова, выпускница Ленинского университета. Она ведет репетицию танцевального коллектива.

Есть мнение!

О создании клуба «Московская трибуна» («СК», 18 октября)
А. Антопольский, кандидат филологических наук, Москва:
— Вселюбо поддерживаю задумку клуба в фамилии уредителей, на мой взгляд, гарантируя высококвалифицированного, политически зрелого и гражданского отношения к рассматриваемым проблемам.
Я работаю в области информатики свыше 20 лет и связан с проблемами информатизации нашего общества. Глубоко убежден, что одним из основных препятствий становления нашего общества как открытого, способного к адаптации передовых идей в разных областях общественного сознания является неразумная и крайняя инфантильность системы ограничения доступа и информации как научно-технической, так и общественно-политической.

О деятельности выступлений средств массовой информации
В. Бараненко, рабочий Шостинского НПО «Саван», Шостка:
— Предлагаю: передать средства массовой информации статус коллективного депутата со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями (право депутатского запроса, законодательный иммунитет и т. д.). Территориальный орган при этом должен соответствовать широте полномочий: «районка» — коллективный депутат райсовета, республиканский орган — представитель в Верховном Совете республики.
Таким образом, критика, возмущение гражданки не должны быть только трибуной, но и путн практического воздействия.

О наградах участников Великой Отечественной войны
М. Солодов, инвалид Великой Отечественной войны, п. Бор, Горьковская область:
— Долго ли мы будем носить образ Сталина на своей груди в виде медали за Победу над Германией!

Об издании военно-международной литературы
Е. Мельниченко, преподаватель вуза, Кемерово:
— Известно, что в издаваемой во времена застоя военно-международной литературе многие, принцип существования, суждения, характеристики, факты либо изымались ре-

Фото М. Машина.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Государственный план экономического и социального развития Российской Федерации и бюджет республики на 1989 год внесены на рассмотрение сессии Верховного Совета РСФСР. Она открылась 10 ноября в Москве, в Большом Кремлевском дворце.

Аллодисментами встретили депутаты и гости товарищей Горбачева М. С., Воронинко В. И., Зайкова Л. Н., Лятева Е. К., Медведева В. А., Никонова В. П., Рыжкова Н. И., Схожакова Н. И., Чебрикова В. М., Шевардадзе Э. А., Буржиков А. И., Власова А. В., Лукьянова А. И., Разумовского Г. П., Талыкина Н. В., Язова Д. Т.

С докладом о Государственном плане развития республики на 1989 год и о ходе выполнения плана в 1988 году выступил заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, председатель Госплана РСФСР депутат Масленников Н. И.

Главной особенностью предстоящего года, подчеркнул докладчик, является практическое осуществление крупных структурных сдвигов по усилению социальной направленности экономики. Проведены в первую очередь решения продовольственной и жилищной проблем, насыщение рынка товарами народного потребления, развитие сферы услуг, укрепление материальной базы народного образования, здравоохранения и культуры, улучшение экологической обстановки.

Переориентация народного хозяйства Российской Федерации осуществляется при значительном расширении предпринимательства и организации С 1 января следующего года на полном хозяйственном расчете и самофинансировании будут работать все производственные отрасли.

Говоря о главном источнике роста народного благос-

стояния — произведенном национальном доходе, докладчик сообщил, что он возрастет в следующем году на 3,9 процента. Социальная направленность плана наглядно просматривается в показателях, характеризующих развитие отраслей материальной сферы. Так, прирост продукции группы «Б» составит 6 процентов против 3,2 процента по продукции группы «А».

Затем депутаты заслушали доклад министра финансов РСФСР депутата Бобровникова А. А. Государственным бюджетом РСФСР на 1989 год об исполнении бюджета республики за 1987 год. Докладчик сообщил, что доходы бюджета республики на будущий год определены в сумме 120,4 миллиарда рублей, а расходы — 126,8 миллиарда рублей, то есть с превышением расходов над доходами, или дефицитом. Для ликвидации дефицита установлено задание по мобилизации дополнительных финансовых ресурсов.

Во второй половине дня обсуждение докладов продолжило на отдельных заседаниях Постоянных комиссий Верховного Совета РСФСР.

11 ноября в Большом Кремлевском дворце на заседании сессии обсуждался Государственный план экономического и социального развития на 1989 год. Наказуе вопросы, связанные с этим документом, были рассмотрены на отдельных заседаниях постоянных комиссий Верховного Совета РСФСР.

Аллодисментами встретили депутаты и гости товарищи Горбачева М. С., Воронинко В. И., Зайкова Л. Н., Никонова В. П., Рыжкова Н. И., Шевардадзе Э. А., Буржиков А. П., Власова А. В., Лукьянова А. И., Разумовского Г. П., Талыкина Н. В., Язова Д. Т.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ

УПРЕКИ, ПОДОЗРЕНИЯ...

ЧЛЕН ПАЛАТЫ представителей конгресса Соединенных Штатов демократ Эдвард Марки выступил в известной своей политической амплуа — в известной газете «Нью-Йорк таймс» со статьей, в которой он упрекает именованную американскую администрацию — в чем бы вы думали! — в создании Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования в новой, «гонимой» области, а именно, в ядерных.

«По собственным подсчетам администрации Рейгана», — утверждает Э. Марки, — у Советского Союза сейчас на сорок процентов больше ядерных вооружений первого удара, нежели на Соединенных Штатах, чем в день вступления в должность официальных лиц администрации в 1981 году. Следовательно, администрация, которая пришла к власти в значительной степени благодаря обещанию закрыть кожно узаконить, сумела лишь распустить его еще шире.

Принятая, за последние годы, в ходе которых были Женева, Рейкьявик, односторонний советский мораторий на ядерные испытания, был подписан исторический договор о ликвидации советских и американских ядерных ракет средней и меньшей дальности, начались конкретные переговоры по разному, пятидесятипроцентному сокращению стратегических ядерных вооружений и т. д., мне просто не приходится слышать лишь бессовестное и наглее.

На жалея красок, конгрессмен Марки валит на республиканскую администрацию явно не заслуженные во упреки в благодушии, в пособничестве коварным русским, респектабельные гонимые подозрительный, типа тех, которым воюю пужал американцев незабвенный Димозф Маккарти, пропавшийся своей бурной и вопиющей бездумной деятельностью в начале пятидесятых годов по части выявления злой воли антиамериканской деятельности проработавших в государственной департамент и даже в Белый дом и, что уже совсем неоспоримо, — в Голливуд тайных агентов Крамля. Маккарти, однако, заслуживает кличку бесноватого, без лишнего шума есочел на нуть и исчез с политической сцены США, чего о пруславяном конгрессмене Э. Марки не скажешь.

Он обосновывает свои обвинения возром цифровых выкладок, производящих впечатление, хотя и взяты, что называется, «с потолка». Что, например, стоит ошеломляюще изданием: три тысячи новых советских стратегических ядерных боеголовок, нацеленных на объекты в Соединенных Штатах, в обмен на ликвидацию всего 1.670 единиц советских вооружений промежуточной дальности. Явно неадекватная для США и для Золотой в целом бухгалтерия.

Здесь же для придания солидной респектабельности своим фантастическим выкладкам Марки связывает эти прональные впадения с действительными фактами — с возр-

опасными, чем все вооружения, имевшиеся в арсенале «красных» в 1981 году... Одним словом, чем больше договоренностей с Советскими, тем опаснее для беспечных американцев.

ЧТО ЖЕ вызвало такой парадоксальный неадекватный всплеск упреков и подозрений в адрес администрации Рейгана у демократа Марки, которого связывает с Майклом Дукэксом не только партийная принадлежность, но и то обстоятельство, что он представляет в конгрессе штат Массачусеттс, вочну Дукэкс! Может быть, именно это!

Эдвард Марки опубликовал свою статью в номере от 7 ноября, в самый канун дня президентских выборов. Похоже, что это — заповедная попытка как-то скомпенсировать отсутствие каких-либо реальных конструктивных пунктов программы Дукэкса яростными нападками на соперников. Но «компенсация» крайне слаба. Что и доказал подсчет голосов. А также на редкость низкая активность разочарованных избирателей.

Григорий ОГАНОВ, политический обозреватель «Советской культуры».

ВНИМАНИЕ: ДЕБЮТЫ

Перед вами кадр из дебютной короткометражной ленты «Защитник Садов» (Москва)...

Владимир Ильин. Обязательно посмотрите этот замечательный фильм...

КАДР ПЕРВЫЙ — КАДР ПОСЛЕДНИЙ

СУДЬБА

Тесная комнатка музейного зрителя, загроможденная шкафами, скульптурами, картинами...

Сталина. Надругались над ним, надругались над народом, над его верой...

Кувцево — человек, честный по сути, прошедший всю войну...

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Среди множества проблем, которые решает Союз кинематографистов СССР...

Наша картина начнется с документальных кадров похорон Сталина...

Встреча членов клуба будет проходить один раз в месяц с предварительным просмотром программы фильмов.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ СК СССР

ПЕРЕСТРАИВАЕМСЯ ИЛИ ДЕЛАЕМ ВИД?

П ОЛОЖЕНИЕ, в котором сейчас находится Киностудия им. А. П. Довженко, кризисное...

Рациональная экономическая практика, когда каждый рубль считается и ценится, становится нормой для предприятий и организаций...

го кино — И. Минколайчук. Кто скажет, сколько неуспешных фильмов забрал он с собой...

Почему? А потому, что сложились условия, когда непрерывный сдвиг творческих индивидуальностей отбор превратился из естественного в противозастойный...

Надо ли доказывать: не условия, какими бы они ни были, а люди торжуют или двигают вперед искусство...

Вспомним Всесоюзный кинофестиваль прошлого года, девиз которого «За гражданственность киноискусства»...

Защитить украинское «эпоическое кино» теперь стало модной, приобретающей тем большее распространение, чем безразличие становится эта защита...

Сценарные проблемы у нас как решались, так и решаются в основном усилиями сценаристов из «центра»...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДРАМЫ...

Наш корреспондент беседует с секретарем правления Союза кинематографистов СССР, доктором философских наук В. И. ТОЛСТЫХ

— Валентин Иванович, ваш материал, опубликованный полтора года назад в «СК», назывался «Драма хороших идей»...

— Да, и не только в кино. Вспомните недавний разговор с бывшим директором нашего Института философии АН СССР...

любом, который, не секрет, прячется под маской «национальной специфики». Вот от этого и надо освободиться с помощью (на базе) новой модели...

(Окончание на 4-й стр.)

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ УСТАВА ОДК

Не структуры, а дела

Как убежденный сторонник создания Всесоюзного общества друзей кино (ОДК), считаю, что организационный аспект...

два раза в год и при этом выполнять функцию коллективного разумного совещательного, рекомендательного творческого органа...

тивы людей самодеятельное общество должно в первую очередь предлагать условия...

В Москве может остаться только исполнительная дирекция по материально-техническим вопросам обслуживания организационно-творческой деятельности ОДК...

И. ЛЕВИНА.

Три взгляда на демократию

Когда на семинаре кинолюбителей полтора года назад начали высказываться первые контуры будущего Всесоюзного общества друзей кино...

(Окончание. Начало на 3-4 стр.)

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДРАМЫ...

до больше, глубже, чем ее иногда толкуют. Ее далеко идущий смысл открывается в контексте общего процесса происходящего реального обновления...

Опыт-таки дружба дружбой, а денежки ароз. Это я о том, что кинематограф именоваться будет общественно-государственным...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

Все сказанное имеет прямое отношение к кинематографу. В новом механизме кинопроизводства заявлено, что речь идет о создании общественно-государственного кинематографа...

«Согласитесь, Валентин Иванович, странная получается картина. В телевизионных эфире, на пресс-конференциях, брифингах и пленумах правления СК...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

«Могут в базовой модели есть ключевая идея, краткая сформулированная так: «Студия» представляется полная творческая и экономическая самостоятельность»...

«Согласитесь, Валентин Иванович, странная получается картина. В телевизионных эфире, на пресс-конференциях, брифингах и пленумах правления СК...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

«Могут в базовой модели есть ключевая идея, краткая сформулированная так: «Студия» представляется полная творческая и экономическая самостоятельность»...

«Согласитесь, Валентин Иванович, странная получается картина. В телевизионных эфире, на пресс-конференциях, брифингах и пленумах правления СК...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

ции Федерации кинолюбителей. Из них можно выделить три модели. Оргкомитет ФКК предложил наиболее традиционную структуру...

«Пирамида» — так категорично назвал предложенную оргкомитетом модель Н. Рыжников (ФКК, 11 июня 1988 г.). Это сторонник против любой централизации ОДК и его федераций...

«Пирамида» — так категорично назвал предложенную оргкомитетом модель Н. Рыжников (ФКК, 11 июня 1988 г.). Это сторонник против любой централизации ОДК и его федераций...

кооперативных кинолюбителей — в Минводах, Саратов, Горьком, Ташкенте. Представитель третьего направления Л. Валашов без остроумия назвал эту систему «возглавляющих»...

«Пирамида» — так категорично назвал предложенную оргкомитетом модель Н. Рыжников (ФКК, 11 июня 1988 г.). Это сторонник против любой централизации ОДК и его федераций...

«Пирамида» — так категорично назвал предложенную оргкомитетом модель Н. Рыжников (ФКК, 11 июня 1988 г.). Это сторонник против любой централизации ОДК и его федераций...

Б. ПИНСКИЙ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДРАМЫ...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

но и на деле занимался критикой и самокритикой (разумеется, в рамках своих классовых интересов), задействовав весь спектр плюрализма мнений...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

«Синдром отца», как полтает Н. Михайлов. Не в том, что «синдром» этот оказался «сильнее знания»...

Беседу вел Галина СИНЕЛЬНИКОВА.

ВЗГЛЯНУТЬ В ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Наступило время, когда человечество должно перестать смотреть себе под ноги, упершись в сиюминутный интерес, оно должно наконец взглянуть в день завтрашний, сделать возможным наступление этого завтра. Пора трезво оценивать ситуацию. Прогнозировать, думать, но главное — действовать. Голос деятелей культуры, звучащий против варварства с незапамятных времен, сейчас как никогда сильно резонирует в сердцах миллионов людей.

В книге «Культура против варварства», выпущенной недавно в Киеве, собраны десятки голосов, словно бы слышащихся в мощном набатный гул, взывающий к разуму. Первое зрительное впечатление от книги: красочное, мастерское оформление. Авторы оформительского ансамбля представляют известную школу книжной графики, которая создала оригинальный стиль публицистической иллюстрации. Беспощадный мир иллюстраций разрезается чередой со скульптурной весомостью и истинно шумящими. Такую книгу не только приятно взять в руки — главное, ее интересно читать.

Сборник можно назвать своего рода летописью противостояния передовой культуры XX века силам милитаризма и реакции. Выпуск книги знаменует начало Всемирного десятилетия развития культуры (1988—1997), провозглашенного Генеральной Ассамблеей ООН по инициативе ЮНЕСКО. Среди авторов — всемирно известные писатели, ученые, деятели культуры, политики, дипломаты прошлого и современности. Публицистика и документы, воспоминания и репортажи, документальная проза, обьеденные вокруг определенных событий, мирового значения, составляют как бы красочную ткань истории самоотверженной борьбы интеллигенции XX века во имя того, чтобы навсегда исключить понятие войны из нравственного сознания человечества. По замыслу составителей сборника (З. Братко, Д. Доганович, В. Сердюченко, Я. Собко, И. Харченко) читатель должен получить убедительный материал о противостоятельности самой идеи войны, о накопившейся энергии гуманистического протеста против насилия над личностью в историческом развитии.

В сборнике своеобразно запечатлены важнейшие вехи, живые противоречия, болевые точки эпохи, о чем говорит уже название главы — «Человек, «Война», «Революция», «Феминизм», «Общество», «Мир». Здесь приводятся и официальные документы, воззвания правительств, публицистические материалы. Все подчинено единому замыслу: Хотелось бы также отметить внимание на удачное включение в контекст высказываний отставленных антигуманистов, сандеятелих современников варварства. Зачем это нужно? Чтобы знать, зримо представлять, что противопоставит разуму.

Как нам представляется, если бы принцип полноты «гуманизма» — антигуманизма был положен в основу построения книги, она бы от этого только выиграла. Подобное замечание не столько критика, сколько размышление, касающееся всей нашей философской публицистики. Диалогичность, полемичность — характерные черты лучших работ этого жанра. Большинство фундаментальных классических трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина написаны именно в таком духе. В эти произведения идейной и политической борьбы не просто подразумеваются, а вытекают предельно в ущербности своей аргументации.

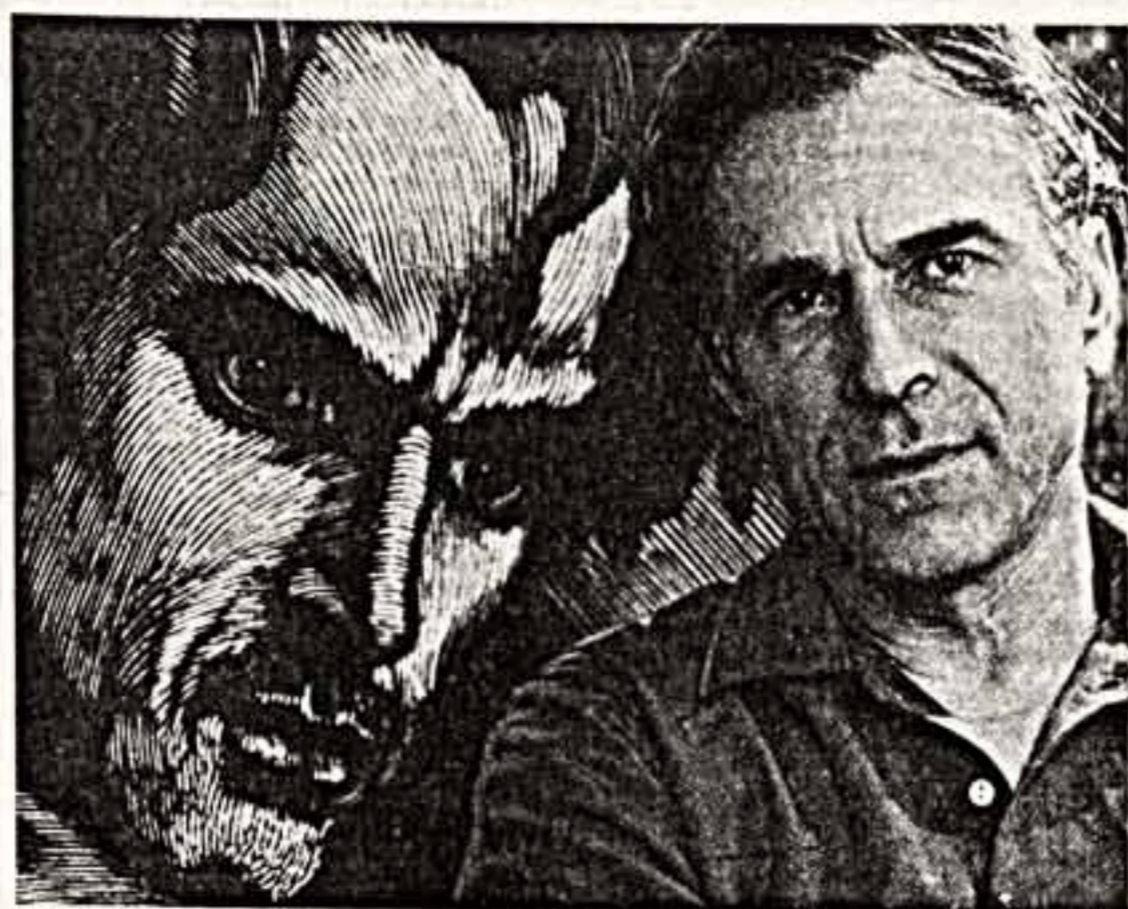
Нельзя не заметить, что не все высказывания, приведенные в книге, соответствуют современному развитию науки. Так, в 1960 году Дж. Бернал писал в книге «Мир без войны», что результаты ядерной войны будут не конец цивилизации как таковой, а ее сползание назад к какой-то форме жизни ископаемых и базовых остатков человечества в немыслимо поразенных районах. Сейчас мы знаем про эффект ядерной зимы, которая в считанные часы заморозит все живое на планете. Но и эта фактическая неточность работает на основную мысль, выраженную в книге. Человечество движется вперед непотопренными путями. До сих пор прогресс оплачивается миллионами жизней, потерянных в войнах и междоусобицах.

Это серьезная, умная книга. Думается, она окажет существенную помощь в идеологической работе, особенно с молодежью. По книге можно и нужно проводить читательские конференции. И тогда даже при незначительном тираже (11 тыс. экземпляров) она выполнит свою культурно-гуманитарную миссию.

В. ЗОЦ, доктор философских наук.

КНЕВ.

* Культура против варварства. Киев, Изд-во при КГУ, Ю «Вища школа», 1988.

ПРОСТРАНСТВО

Фотоснимку, что здесь воспроизведен, немало лет. Готовясь иллюстрировать «Преступление и наказание», художник Федор Константинович обрадел драматическим переживанием главного героя Достоевского и сказал себе — в своем душевном состоянии, настроенном на истинный образ, в автопортрете. Можно было бы предвзвешать этот очерк в сегодняшних условиях, но путь старое фото скажет читателю, какими путями мастер иллюстратор в томном мире.

РАССКАЗЫВАЛ Федор Денисович Константинов, Орденами в мастерской у Владимира Андреевича Фаворского, во ВХУТЕМАСе собравший его ученики и вместе с учителем задвинул целью составить нечто вроде словаря — свод правил и понятий искусства гравюры. Всему нашлось определение, но вот дошли до «пространства» — что такое пространство художника, пространство искусства? — и ответ, что называется, растекается по древу. А в самом деле, что есть пространство в гравюре? Принадлежит ли такое понятие к категории формы или это мир, насыщенный видениями художника, людьми, событиями, эпохами, существующими, будто сама материя, в нераздельности пространства и времени?

Пространство. Нет, мы не зря поехали с Федором Денисовичем в его родные места, в Зарайск. С высоты, от стен городского кремля, заречные дали, казалось, были сотканы из серебристых линий гравюр Федора Денисовича и тургеневской прозы, а старые ветлы нависали ветвями над вечерними улочками, и взгляд нырял в них созвучный рисунку таких же сумеречных жушей, изображенных художником в «Странном балладе» Миникова. Казалось, от этих зарайских холмов, от башен и стен, чего только не повывалишь на своем веку, от всей этой глубины, раздольной древней земли шли некие токи и Шекспира и Данте, Сервантеса, Пушкина. Потому что одно пространство, выходящее в себя самостоятельное человека, людей, поколений, народов.

Побыть с ним, Федором Денисовичем, несколько дней, да что дней, что раз просидеть в полуочном бенили (даль, вечер на то не ханает!) и слушать, как звучит его речь — его любовь, и гнев, и сердечность, в вера — это счастье удовольствие. Разговор переходит к Фаворскому на Горалина, к пейзажам Коро, офортов Пирранези на нынешних модернистов, с хроник Шекспира, бедствия британской короны при дворе Ричарда II на бедствия иллюстрированной книги-страдания при дворе нашего комиздата — и кажется, обо всем, что есть художник, что есть искусство и книга и художник в книге, ему нужно сказать свое слово. Семьдесят восемь лет человеку — уж его-то поколение мытьем и катаньем заплатило за свой житейский, творческий опыт, но хоть бы в чем связала усталость Вот натура, очувствленная

любой на свете радости, будь то нахлынувшее вдруг определение пушкинского либа («Медный всадник» — волна), или дочка Тая — удивление перед светлой маленькой жизнью («Сельдь это же дочка моя, вся от меня — живой комочек»), а то, далеко не юноша-спортсмен, это надо было видеть, он отлично выжал «стойку» на руках, когда ходили на реку купаться, — как в былые времена, во ВХУТЕМАСе.

Не к тому это говорится, чтоб чеканить медальный портрет героя. Но, право, то нравственное здоровье, а вернее сказать, нравственные устои, на которых сложился, выстроился этот творческий человек, заставляют думать о силах инстинктивных в нашем искусстве. О пространстве, которое населяет собой эта личность.

Шел год сорот третий. Ждала второго фронта. С прифронтовых концертных площадок пошла гулять песенка английских «томми» — о том, как долот путь до Типерри, а в Москве задела издание «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера: интерес к союзику проявился по-разному и неоднозначно. Творение Чосера впервые вышло на русском языке, специально был сделан перевод. В работе, при-

«Данте».

равенной чуть ли не к фронтовому заданию (полтора месяца — 90 гравюр), выбор пал на молодого тогда Федора Константинова. Не потому ли, что к тому времени он проявил себя в иллюстрировании Шекспира, Овидия, Данте, и, как сказал Овидий, «занятия налагают печать на характер» — интерес к мировой классике уже обрисовал характер художника.

Представим ту пору: военная Москва, светомаскировка, ночные тревоги — и в холодной своей мастерской художник окружает себя видениями из средневековой Англии, из книги, родственной божничеству «Декameronу». Возникают колоритные типы — трактирщик, рыцарь, монах, развлекшая красота-вдова, вот плещет шут в вабале, пестуния выезжает в осеннюю непогоду, и птицы летят по ветру, и дымки из труб, вот сцена несромная, истинно в возрожденческом вкусе, и такая верность далекой жизни стоит за каждым штрихом, будто сам знаешь эту жизнь и ею повершая художника!

Он любит эти свои иллюстрации-новеллы о паломниках, которые шесть веков назад ехали по дороге на Кентерберии и рассказывали свои незабываемые истории. За то, что испытал в них умение иллюстратора, за то, что в пору, когда грелись пушки, художник оказался дано заявить о ценности мировой культуры.

Удивительное у него освоение во времени и странам, к жизни прошедшей, оставшейся в книгах, соприснающейся с жизнью нашей тем, что непрерывна цель человечности, преемственности поколений, эпох. Он говорит: Все свои годы, по существу, я провел за рабочим столом, никогда не ездил в другие страны, но путешествовать по ним с древних времен. Часто мне хотелось иметь воображаемую биографию, в которой и побывал бы в разных краях, в разные эпохи и в самых различ-

ных ролях: например, быть свидетелем времен Древней Греции, Рима, Египта, видеть творения Фидия, Апеллеса, присутствовать в театре на представлениях античных трагедий, болх гладиаторов, олимпийских играх, вылететь, как стрелы пирамиды и храмы и все семь чудес света, быть испанским грандом, матадором, конкистадором, морским путешественником, участником великих битв и поединков. Мечтал быть рыцарем на турнирах, побоем, путешествовать по самым значимым местам, совершать необычайные подвиги и тому подобно...

Что ж, когда-то и Дон Кихота влекло по просекам Ламанча та самая игра воображения, которую мы называем романтикой. Род человеческий во многом был пошучен, если бы не преисподнее это племь — выдуматель, фантазер, способный жить книжной строкой, вторить жизни придуманного героя. Каким они были на дуали — Печорин и Грушницкий, как это происходило? Художник выискивает снаду, встает на край, чтоб не срываться в пропасть — чтоб лермонтовское слово наполнилось собственным переживанием. Устремляется в ливень такой, когда, казалось, над-

«Евгений Онегин».

вигается наводнение, — увидеть бронзового Петра глазами пушкинского Евгения. И повергает себя в гамлетовское «быть или не быть» — найти, схватить единственное, выражающее состояние Гамлета мест... Он ли находит любимую книгу, книга ли находит его, но ощущение такое, будто на зов художника сходится воедино и нашла страсть. Вне красоты нет для него духовности, его романтический герой — прекрасен. Казалось бы, гравюра на дереве, где каждый штрих взвешен, каждой линии назначено место, — род искусства, возмущающий и расщепляющий, едва ли не педантизму руки. Но нет, мятежный Мышри будто вырублен, изваян из противоборства света и тьмы, из черно-белого, которые бьются друг о друга, будто волна о камень, будто молния рассекает ночь. И Петр из «Полтавы» — «...он весь, как божья гроза», и то ли линии реза, то ли кисть живописца рясуют могучую натуру. И следом полтавская баталия: выдбленные кони, знамена, разные облака — все тот же выхри, полет черного и белого наполняет гравюру-картину.

Картину — мы не обольмивали. Порой так и видится, художник тесно в формате книжной полосы, Ромео на поединке с Тибальдом вырывается за пределы страницы, суровый Дант, увенчанный лавром, встает, как отчеканенный монумент. Волнение художника выходит на простор, где все полно силы, движения, воздуха, света. Оттого книги, которые он делает, становятся картинными, зрелищными. Его «Полтава», «Мышри», «Медный всадник», «Легенда об Уленшпигеле» — это именно живописное зрелище, книги — обещание переживания увлекательных и высоких.

Праздество книги — вот завет, который исповедует мастер. Немного уж их осталось, питомцев школы Фаворского, подвизников резцовой гравюры, для коих доса самшита — алтарь служения книге. Видим, искусство Федора Константинова — сегодняшняя элленекая весть могучего древа. Но сколь много просят сопутствует возвышенным нашим словам! Поглядите по всем книжным полкам, по всем каталогам библиотек: вы не найдете не то что монографии — простой брошюры о Константинове. О художнике, который подвизался в книжной графике, без которого ее история неполна. Вот уже третий год лежит у издателей подготовленная им книга повестей Льва Толстого — «Казак», «Хаджи-Мурат» и «Кавказский пленник». В работе петербургские повести Гоголя. Может, и этот труд художника лежит без движения в издательские папки? И просто ли обидя в его словах:

— Действительно, все меньше нас, мушкетеров, д'Артаньянов. Иллюстрация вроде бы уже и не нужна издателю. Экономия! Ведь буквально не более чем на копейку удорожает иллюстрация книгу. А кто возмется подсчитать урон духовный? Сама была честь советской книжной графики уходит в область воспоминаний. Очень часто отказывают от всего накопленного, но престиж книги, как произведения искусства, уже на последней черте!

Эта обидя — обидя за Пушкина, за Шекспира, за Сервантеса:

— Классика для нас — прежде всего школа человеческого взаимоотношений, это культура чувства, которую мы во многом утратили, это обретение истинных художественных и нравственных критериев. Сегодня общество начинает осознавать духовные свои корни, понимать, что изобретение от лжи, ханства и апатии надо искать в тех законах, которые веками выкристаллизовывались в общечеловеческой, в национальной культуре, в этическом сознании поколений наших предков. Ценности классической, богатства духовной цивилизации должны стать азбукой новых поколений. Красоте человеческих отношений всем нам надо учиться заново...

Да, все так: Старая поговорка — книги имеют свою судьбу, каждому поколению судено искать свое в книге, что собирались столетиями. Пространство гуманности, вышедший свет, идущий от бессмертного слова, — не в них ли мы обретаем свою человеческую сущность, свой устои в мире тревог и надежд. Пространство художника, пространство романтика, искателя, книжника, в которое входим с ним вместе, — оно светит и приятно истинны — той самой:

«...Блаженны мои глаза, сизкоз которые проинают в века чудесные видения, замкнутые в книгах!... Что же волнует меня, что же привлекает меня и ним, как и родным? — А то, что они мне родные, они — я, они — Человек».

Тан говорит тоже книжник и мечтатель, резчик, художник Кола Брюнон, сочиненный Ромеоном Ролланом...

В. ОЛЬШЕВСКИЙ.

КНЕВ.

Фото Л. Жданова.

Музейная редкость

Директор Театрального музея имени Бахрушина В. Губин мое журналистское удостоверение не удовлетворило. Потребовал специальную бумагу, где бы было точно указание, что именно мне редакция поручает именно с ним побеседовать. Выпразили мне нужную бумагу, но идти бы сидеть с глазу на глаз с таким опытным человеком я уже не решился. Пошли вечером: конфликтная комиссия СД РСФСР, сотрудник «Театральной жизни» и я.

А конфликт любовный. Откуда он возник, возникла справа комиссия, проверяющая работу отдела, руководимого Ю. Каблучко. Юристы обвиняли многоцелевые финансовые развалы работы. На справке директор наложил резолюцию — «в трехдневный срок собрать объяснения».

Объяснения подли объяснения, где грязно не признавая, финансовую деятельность не по закону музея свалил себе на заслугу, а не в стужу. А о «мушкетерах» написали: «...что Каблучко и Черниченко являются супругами, т. Губин знает, так как 7 апреля 1985 г. в отделе научной пропаганды в присутствии 24 сотрудников весь вечер пил водку за здоровье мужа и жены. Не будем канючить, Дело тут не в градусе. А в том, что Губин сам в 1987 году назначил Каблучко заведующим отделом, где работает Черниченко, сделал мужа начальником жены».

И еще обвиняемые написали, что никакой комиссии не выдали, а проверка не знала и поэтому удивлены: что это за справка! И действительно, ни справка ни действительности, ни числа.

Прочел Губин про то, как он ел водку, и обиделся. И издал приказ № 169 от 26 августа 1988 г. Приказом этим Ю. Каблучко был уволен с 29 августа по соответствующей статье КЗОТ РСФСР (другим — выговор и замечания). В пятницу приказ, а в понедельник Каблучко уже безработный. После 28 лет беспорочной службы! Да еще статья такая — ни в профсоюз не надо согласовывать, ни в суд надо согласовывать. Круто. А хотелось бы горькие профессорские головы общее собрание собрать, да попенить! Большинство голосует, как Губин велит. Дрожат сотрудники. И пенить легко: директор-то всевластен.

Ну а кто же все-таки вывел воровство? Кто взломал в комиссию «АК» — сврдитса Губин? — Вот кто написали: лица, назначенные дирекцией, СДД удовлетворился. Мне было неловко, но в настоя: все же почему справка не подана, кто ее писал? И директор вдруг сказал: «Я. Потом спотыкается: «Но в совете совещались с министерством, с прокурором, с юристом».

Ах, какая прелесть! Сам клезву сочинил, сам резолюцию наложил, сам и уволил. Значное следствие, значный суд, значное вынесение решения. Прямо музейский наезд — этот актер-завоеватель по посту директора атрального музея страны.

И дал у директору неправомерно печат приказом да инструкцию «по делопроизводству» — это 29 апреля 1988 г. (26 страниц и 29 приложений). «По внутреннему распорядку» пропуском режиму: «...организовать систему контроля за соблюдением уста-

воленного графика работы в музее и его филиалах, обеспечить регулярные выезды, проверки явки на работу и ухода с работы, как в основном комплексе музея, так и в филиалах, в том числе сотрудников, работающих по индивидуальным графикам. Списки отставленных нарушителей немедленно представлять директору для принятия мер. До 30 числа каждого месяца представлять директору справку о количестве проверок и их результаты». А еще есть любовный приказ, расписывающий, кто за кем следит. Похоже, то ли Губин ввел военное положение, то ли под вывеской музея функционирует исправительно-трудовое учреждение.

Спрашиваю его: — Чем вы руководствуетесь в научной работе? — Не понял вопроса. — Где вы и пенить! Не до того, не до науки. Тут гляди, как бы кромолу не стацилли на режимную территорию. Вздумаи и научные сотрудники устройте выставку Васильева, Долганова, Некрошова. Губин строго возразил: нам эти певцы режиссеры не нужны. Несили ему втолковали, что режиссеры как люди уважаемые в искусстве люди, лауреаты. Сдался. Разумный манер ему не нужен. Недавно слышал в хате о вечном Майергольде (форма лист), а теперь входит в комиссию, кто-то из его «контролеров». Шаги стучают, и сотрудник снова горько шепчет: «В наше время! Когда гласность и перестройка! Стеленские методы! Хамство! Террор!»

Ей богу, смешно и стыдно. Ведь на дворе осень 1988-го. Думают, механизм торможения — из шестеренок и прочий колесиков. Очисть от ржавчины, смажь — и поедет. Слово «милитаризм» сбивает с толку, вводит всех в заблуждение. А это не механизм, это явление природы. Это вечный строй. Это вечная мерзлота. Это болото, в котором вязнешь.

В два дня — десерт завлекать об уходе. Увольняются или собственному желанию зам. директора по науке (третий по счету за шесть лет губинского руководства), председатель группы народного контроля, зав. отделом научной пропаганды, председатель профкома, секретарь комсомольской организации, зав. сектором, три старших научных сотрудника. Стаж — 10—15 лет... Заявления сыпалось 5 и 6 октября. И уже в час дня 6 октября — вот оперативный — состоялся открытый партийное собрание (без повестки дня), где коллектив гивно осудил всех увольняющихся как клеветников и вредителей для музея людей. Проголосовали на партийном собрании и беспартийных. Ибо лучше нарушить все законы, чем увидеть на себе вынужденный взгляд директора.

Люди затравлены, загнаны. Рассказывают и оглядываются, и шагам в коридоре прислушиваются: не идет ли мимо начальник или кто-то из его «контролеров». Шаги стучают, и сотрудник снова горько шепчет: «В наше время! Когда гласность и перестройка! Стеленские методы! Хамство! Террор!»

С. Материал был готов и печати, когда председатель СД РСФСР М. Ульянов ознакомил редакцию с полученными им документами. Первый — заявление директора Губина и его сподвижников, где они гневно заявляют теперь уже на Секретариат СДД, предложивший отменить увольнение Каблучко. В заявлении сказано, что письмо секретариата представляет собой «прямое нарушение законодательства», не предусматривающего вмешательства в подобные трудовые споры творческого союза; что увольнение сотрудника выводит за пределы компетенции конфликтной комиссии СДД; что приказ об увольнении и письмо секретариата «обсуждены на партбюро и профком, на которых решено об увольнении т. Каблучко получило единодушную поддержку».

А. МИНКИН.

Здесь считаем уместным напомнить руководству и юристам музея Устав СДД, где сказано: «Комиссия рассматривает также конфликты, связанные с защитой личной и профессиональной чести и достоинства», — это касается обвиняемого в воровстве Каблучко. И далее: «Члены комиссии, утвержденные секретариатом, являются обязательными для всех членов союза. Их невыполнение влечет за собой различные санкции, вплоть до исключения из союза», — в это касается лично Губина.

Может быть, такая «карбонность» Губина объясняется поддержкой республиканского Минкультула.

Танец ее души

Иногда приходит к артисту счастливая роль, для которой он как будто создан. Такую роль дала Елене Ивановой, солистке балета Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, постановка Д. Бречнева «Девять танго» М. Баха. Ее танго — немного чашеисносное — легкая усмешка, доверительная улыбка, в которой есть что-то шаловливое. Героиня словно хочет доказать, что ей все милое, подсмеивается над всеми и над собой тоже. Запоминается ее открытый, с веселым искристым взглядом — прямо в зал, в глаза зрителя.

Танец Е. Ивановой — яркий, самозабвенный, ее выразительные возможности довольно широки. В «Ледяном озере» балерина в разных спектаклях исполняет изысканную мажурку, упонительный испанский танец, заморочивающий венгерский. А в «Дон Кихоте», являясь то Ульмий танцовщицей, то Марседас, она — словно чистые бурной стихии народного танца. Но вот в «Золушке» и «Штраузенне» ее героини на-

рисованы другими красками — от непринужденной шутки до откровенного гротеска.

Примечательно, что, находясь на сцене, артистка никогда не выходит из образа. Большая ли роль, маленькая, танцует она или просто стоит в толпе, Лягушка постоянно в центре внимания, такла, чутко, как и откликается на все происходящее. И потому трудно оторвать взгляд, например, от ее Цыганки в «Эмеральде». Она создает сильный образ, который становится одним из главных в балете.

Не раз приходилось слышать, что зрители, увидев однажды на сцене Е. Иванову, ждут ее участия в других спектаклях. И, наверное, трудно однозначно определить секрет ее притягательности. Обаяние! Да, безусловно. Шедры артистизм! Конечно. Блеск virtuozности! Конечно. Но есть и еще что-то, что отличает талант, — душевная наполненность. Потому встреча с Еленой Ивановой незабываема.

С. САМСОНОВА. Фото Е. Лангана.

В ДВАДЦАТЫХ годах есть ясность соотношений. С одной стороны, оппозиция, разная, в своих умеренных формах даже довольно открытая, даже проникающая в печать. Вплоть до невинной оппозиции формалистов, политически аполитичных, но заглядывших упрямо, что в науку, что в литературу, вмести свое мнение. С другой стороны, истинная вера в совершающиеся пришествие наилучшего мира, в то, что оно второстепенно, спорнопроходящее. Это — это остатки.

Сороковые годы — война и военное обличение частых в государственных котельях. Когда обличение было неполным, эту неадекватность подавала в себе, обходила. Потом среди проработок 48—53-го настала испуг, у интеллигентов чувство обреченности. Возникло оно на повторяемость (повторения не ждали), на ужас перед узнаваемой и, значит, неизменной моделью Кто-то сказал тогда: «Раньше это была потеря, теперь это очередь». Пока что, впрочем, продолжали жить и применяться и жизни Сороковые годы психологически проще тридцатых.

Тридцатые — коллективизация, украинский голод, процесс, 1937-й — и притом вовсе не подавленность, но возбужденность, патетика, желание участвовать и прославлять. Интеллигенция выжила об этом и поэзией писателей по Беломорканалу, и писательским съездом 1934 года с речами Пастернака, Заболоцкого, Олеси и проч.

Нынешние все недоумевают — как это было возможно? Это было возможно и в силу исторических условий, и в силу общечеловеческих закономерностей поведения социального человека.

И основным закономерностям принадлежат: приспособляемость и обстоятельства; оправдание необходимости (зла в том числе) при возможности сопротивления; равнодушие человека и тому, что его не касается.

Напрасно люди представляют себе бедственные эпохи прошлого как занятые одними бедствиями. Они состоят и из многого другого — из чего вообще состоит жизнь, хотя и на определенном фоне. Тридцатые годы — это не только труд и страх, но еще и множество талантливых, с волей в реализации, людей, и увлеченных от прошлого, и — еще больше — раторскими революцией, поднятых на поверхность двадцатых годами.

У некоторых из них было относительно много денег (по нашим понятиям). Сталин создавал валюту не только в среде чиновников, но также из писателей, академиков, профессоров и проч. Профессорам не возмещались никакие совместительств, и многие имели зарплату по три оладки. Злата задумана была как опора власти, но она же первая и погибла, потому что то в дело попадались под руку.

Страшный фон не покидал сознание. Ходили и балет и в гости, играли в покер и отдыхали на даче — это же, к счастью, кому-то приносило весте о потерю близкого, кто сам, доходя до каждого вечернего звонка, искал гостей, дороги... Пома цели, заслонились, отвлечались: даю — беру.

Отвлечению особенно способствовал летний отдых. Неизлечимая даже такая иллюзия: детский клуб выводит вас из проматывающегося круга. Иллюзия протолкнула. Летом 37-го много знакомых Ленинградцев поселилось в чудесном лужском Затюльске. Мы там выжили прелесть озер и Орелюса с его лугами и берегом красной глины. В прогнутах, суопунных и водных, дельтально участвовала и С., у которой тогда сидела сестра в ожидании приговора. Психологически это было возможно в силу типовой ситуации.

Летом 38-го года мы с Жирмузиными и Гусюковыми жили в деревне на Полтавщине. Там все еще было полно памяти о голоде, за собой в Ленинграде мы оставили разгром. Время мы проводили самым приятным образом.

Механизм приспособления, двойной механизм отвлечения от страдания и лечения и удовольствия, не мог бы работать без присущего человеку равнодушия и тому, что его не касается. Что касается и что не касается? Это перемешано и растащено. Дневник считал, что личность человека равна полю его интересов. Поле может сжиматься в расширяться. Человека могут касаться самые, казалось бы, отдаленные вещи, но для этого нужны импульсы, возбудители. Человека касается то, что непосредственно действует на его эмоции, нервы.

Идея простоты завадывает в тридцатых годах Зощенко, Заболоцкий, Пастернаком, Мандельштам в стихах не допускал уступок, поэзия у него была крепко ограничена, но его жизнеиспытание в высшей степени было подвержено эпохальным великим. Кузны в воспоминаниях о Мандельштаме начала тридцатых годов рассказывает об этой жажде приятия, единения, о том, как притяжение тут же сменялось отталкиванием. Мандельштам так и существовал в этой череполопоске несогласованных импульсов, исходящих из разных комплексов чувств. В основном из двух главных для русской интеллигенции XX века, в их великой несогласованности — на комплекса модернизма, индивидуализма, алятарной душевной жизни и комплекса народничества традиции и воли и справедливому социальному устройству.

Мне попался свод любопытного материала о работе Мандельштама в конце двадцатых годов в «Московском комсомольце» (внутренние рецензии, ответы авторам). Не знаю, пишет ли он по конкретным поводам то, что действительно думает, но он действительно радуется приобщению, «Трудю со всеми сообща! И заодно с правоупорядком».

Особенно замечательно редакционное письмо тов. Кочину, автору деревенского романа «Девки». Письмо написано илюющим ходячием языком и на ты, по-комсомольски. Роман он осуждает со всей серьезностью и учит Кочина (крестьянского сына) писать о деревне так, чтобы не было барской дистанции между автором и предметом. А несколько раньше разговор с Кузным, в конце двадцатых годов, Мандельштам в «Четвертой прозе» изображает свою работу в газете с противоположной точки, как участие на равных правах в страшином и низком деле. «Четвертая проза» — полюс отторгнутости и обиды, на какой-то момент стабилизация этого полюса. Приведены в действие отрицательные возбудители, завтра могут вступить в действие другие.

На них ответит нелицеприятная воля и приспособление, и тому, чтобы влезать запертую перед ним дверь общественного устройства. Оказывается — я тоже могу, как все, и, главное, они меня принимают всерьез.

Н, тоже отторгнутый человек, во время войны принят был на работу в Радиокомитет. Он рассказывал мне о неиссякающем удовольствии, с каким он всякий раз предвзвевая свой пропуск при входе в здание и еще особый пропуск в студию. Всякий раз это было переживанием признания, воссоединения с сочеловеками.

Можно, конечно, из отторгнутости сделать позицию и позу. Только это все хорошо на абстрактном уровне романтической игры. Но жуть, когда отторгнутость становится практической, буквальной, и тому же грозищей отнять кусок хлеба. Но не хлебом единым... Надо еще, чтобы признали, хотя бы на уровне антрабника в газете.

А на своем поэтическом уровне, где не было уступок, Мандельштам все это выразил глубоко:

Как я ступить и говорить умно...
Человек хочет, конечно, быть лучше других, но этого ему мало. Главное — быть не хуже других; только это, а вовсе не сознание своей

Лидия Гинзбург

В ПОИСКАХ ТОЖДЕСТВА

То есть создавалось оно почти одновременно. Это бессмертная модель многих примерений и оправданий. Они не захватывают сознание целиком, но оставляют место для совсем других, противоположных даже импульсов и реакций, порожденных другими контактами с той же действительностью, другими системами ценностей. Потому что человек реализуется одновременно во многих системах ценностей. От степени их согласованности (или несогласованности) зависит «консенсуальность» — как говаривал Герцен — поведение.

КАК ТОЛЬКО чем-нибудь займешься попристальнее, оно начинает всюду попадаться навстречу. Стали навалываться разные свидетельства. Сначала книга Чудаковой о Зошенко, потом Оттен прислал своего Крымова, потом мандельштамовские материалы. Книга Чудаковой хороша пониманием времени. В ней все показано через отношение к языку, через зошенко-ское изображение языка современников показан слом тридцатых годов.

В двадцатых годах это у Зошенко изображение языка духовного недоросля. Во второй половине тридцатых слово этого человека становится втянутом микробистантом: Зошенко отменяет дистанцию между персонажем и авторским словом, тогда как эта дистанция на-самым автором над рассказчиком составляла самую суть его прежней писательской манеры.

Совершилось интеллигентское (в традициях русской интеллигенции) отречение от своих духовных преимуществ. Но различия тут самые коренные. Народникам, вообще повечным мужикам представлялся носитель своего рода народной и религиозной культуры, оманчивая таинственной Почвы. Тридцатые же годы предлагали в качестве модели не загадочного мушкетера, а малограмотного городского человека с его представлениями о жизни. Это и было попертвоание — уже не материальным благополучием, но своим языком, следовательно, разумом, духом. Самоотвержение народников обращено было к слабым, притесненным, а тут, наоборот, отрицали себя во имя хозев жизни — Другие времена.

Идея простоты завадывает в тридцатых годах Зошенко, Заболоцкий, Пастернаком, Мандельштам в стихах не допускал уступок, поэзия у него была крепко ограничена, но его жизнеиспытание в высшей степени было подвержено эпохальным великим. Кузны в воспоминаниях о Мандельштаме начала тридцатых годов рассказывает об этой жажде приятия, единения, о том, как притяжение тут же сменялось отталкиванием. Мандельштам так и существовал в этой череполопоске несогласованных импульсов, исходящих из разных комплексов чувств. В основном из двух главных для русской интеллигенции XX века, в их великой несогласованности — на комплекса модернизма, индивидуализма, алятарной душевной жизни и комплекса народничества традиции и воли и справедливому социальному устройству.

Мне попался свод любопытного материала о работе Мандельштама в конце двадцатых годов в «Московском комсомольце» (внутренние рецензии, ответы авторам). Не знаю, пишет ли он по конкретным поводам то, что действительно думает, но он действительно радуется приобщению, «Трудю со всеми сообща! И заодно с правоупорядком».

Особенно замечательно редакционное письмо тов. Кочину, автору деревенского романа «Девки». Письмо написано илюющим ходячием языком и на ты, по-комсомольски. Роман он осуждает со всей серьезностью и учит Кочина (крестьянского сына) писать о деревне так, чтобы не было барской дистанции между автором и предметом. А несколько раньше разговор с Кузным, в конце двадцатых годов, Мандельштам в «Четвертой прозе» изображает свою работу в газете с противоположной точки, как участие на равных правах в страшином и низком деле. «Четвертая проза» — полюс отторгнутости и обиды, на какой-то момент стабилизация этого полюса. Приведены в действие отрицательные возбудители, завтра могут вступить в действие другие.

На них ответит нелицеприятная воля и приспособление, и тому, чтобы влезать запертую перед ним дверь общественного устройства. Оказывается — я тоже могу, как все, и, главное, они меня принимают всерьез.

Н, тоже отторгнутый человек, во время войны принят был на работу в Радиокомитет. Он рассказывал мне о неиссякающем удовольствии, с каким он всякий раз предвзвевая свой пропуск при входе в здание и еще особый пропуск в студию. Всякий раз это было переживанием признания, воссоединения с сочеловеками.

Можно, конечно, из отторгнутости сделать позицию и позу. Только это все хорошо на абстрактном уровне романтической игры. Но жуть, когда отторгнутость становится практической, буквальной, и тому же грозищей отнять кусок хлеба. Но не хлебом единым... Надо еще, чтобы признали, хотя бы на уровне антрабника в газете.

А на своем поэтическом уровне, где не было уступок, Мандельштам все это выразил глубоко:

Как я ступить и говорить умно...
Человек хочет, конечно, быть лучше других, но этого ему мало. Главное — быть не хуже других; только это, а вовсе не сознание своей

Во все времена были люди, которые вне зависимости от обстоятельств честно, талантливо, профессионально и очень достойно делали свое дело, не обращая внимания на то, хвалят или ругают, замалчивают или награждают. К таким личностям относится и Лидия Яковлевна Гинзбург — известный литературовед, прозаик, мемуарист.

В двадцатые годы она училась в Ленинградском институте истории искусств. В то время там кипели жаркие споры, дискуссии, обсуждались самые различные литературные и литературоведческие концепции, там работали Ю. Тынянов, А. Гвоздев, Б. Асафьев, И. Соллертинский и многие другие мощнейшие фигуры отечественной культуры. Причем это были не просто блистательные ученые, эрудиты, литературоведы, а крупнейшие личности. Уже несколькими годами позже на и их ученикам, последователям стали навешиваться ярлыки типа «формалисты», дискуссии стали небезопасны и завершались «оргвыводами», но Лидия Яковлевна успела «собречь душу» огнем живого, свободного творчества, огнем поиска научной истины. Времени всегда все ставит на свои места, ярлыки и догмы забываются, а остаются умные, интересные, талантливые юнги. Сегодня работы Лидии Яковлевны Гинзбург «О литературном герое» и «Литература в поисках реальности» удостоены Государственной премии СССР. Мы предлагаем читателям эссе из книги «Человек за письменным столом», которая вскоре должна выйти отдельным изданием.

Лидия Яковлевна Гинзбург

генальности избавляет от комплекса неполноценности.

Человек эпохи Москвитин... Смотрите, как мы топчёмся подмаи...

Москвитин — это место, где шьют для всех, для бедных, и плохо шьют. Где говорят на упрощенном языке. Но это язык всех, тех, за кого на своем языке говорит поэт, поэтому поэт тоже имеет право быть одним из всех.

На этом праве особенно упорно настаивал Пастернак. Об этом есть в записках о Пастернаке Гладкова: «В. Л. рассказывает, что в месяцы войны в Переделкине и в Москве до отъезда у него было отличное настроение, потому что события поставили его в общий ряд и он стал «как все» — дежурил в доме в Лаврушинском на крыше и спал на даче возле зенитов...»

Самые большие люди в своем роде демократичны — если не по убеждению, то по инстинкту. Они знают, что могут выдержать равенство. Они имеют силу (и дорожат этой силой) выполнять требования, предъявляемые к людям — этим требованиям Пушкина дал себя убит... Сочетание же интеллигентности с порядочностью способствовало чувству алятарности.

В. В. Иванов в воспоминаниях о Пастернаке рассказывает, как Борис Леонидович огорчался, обиделся, когда писателям спонсор давали орден, а ему не дали. Он даже просил по телефону кого-то подползать.

Удивительно здесь не то, что огорчался. Кто из нас без греха слабости и суеты? Удивительно, что не скрыл, не постыдился огорчение обнаруживать. Это не просто спонтанная инфантильность Пастернака. Это тоже поиск равенства: пусть все знает, что я тоже хочу орден — как все (как все определенное ранга).

В стихах оно обернулось публичным отречением от дара немиморных сочетаний, от чуда «Сестры моей — жизни», где все замешает и все объединяет все.

Неотвратимо заявила о себе под конец двойной пастернаковский комплекс — равенства в жизни и простоты в стихах.

С Ахматовой случилось как раз обратное. Она была признана и точности и под конец отступилась от точности ради поэтических загадок. Большому поэту всегда дано нечто, что только он может сделать. Он же порой начинает делать — и хорошо делать — то, что мог бы сделать и другие.

Так в некой точке пересекались пути Зошенко и Пастернака.

Другой пласт представляет Крым: другое прежде всего поколение. Крымом тоже был интеллигентской семьи, но он из тех, кто сразу безоговорочно ушел в комсомол — замалчивая первоначальный грех. У них не было ни двоемыслия, ни двуличия. Они верили в новый мир и в «лес рубят — щепки летят». Это была всепримиряющая формула.

Оттен рассказывает историю повести Крымова, сюжет которой состоял в том, что жена доносила на любимого мужа-врагеделя и из этого испытания вышла просветленной и ошчиенной, испустила собственное буржуазно-бюрократическое происхождение. От этого замысла все же шаркнулись окружающие (жена, друзья), и Крымов от него отказался. Пренебрежительно, впрочем, как от чересчур желто-детективного.

Крымов воевал храбро и по доброй воле. И храбро погиб.

НАПЛЬВЯЮТ свидетельства прошлых лет. Вот посмертно изданная книга Гладкова о Мейерхольде. В Мейерхольда он был влюблен, годами погружен без остатка в его театр. Театр закрыт, Мейерхольда убили, а в 40-м году Гладков уже пишет веселую пьесу о девушке-гусаре 1812 года. Патристическую комедию с героиней и переоденными, расчитанную на одобрение. И все это не просто халтура, а увлечение. Субъективно это — творчество.

Инстинкт жизни. И нет никакой общественной обязательной нормы поведения, которая стояла бы ему поперек. Референтная группа — вся того же состава. Сборная верность прошлому — это означало бы голодное существование, может быть, несуществование...

Талантливые — художественно и человечески — потому особенно напряженно искали в себе или создавали в себе участки тождества. Этот участок, занимая который можно сказать: я и того же мнения. И выразить это мнение с некоторым отклонением от эталона, другими вроде бы словами.

Техника тождества имела множество градаций. И вполне честное тождество, я, на другом полюсе, шпичечное: «масло каша не портишь», и выискивание в себе подходящих участков, причем оставались другие, неподходящие, так что менялись реакции — в зависимости от той или иной из систем ценностей, сосуществующих в сознании человека. Движущийся луч прожектора как бы выхватывал из поля сознания то тот, то другой сегмент.

Создавать участки тождества интеллигенту помогали различные механизмы. Среди них один из самых мощных — это народническое наследие, это с первыми детскими представлениями освоенная идея социальной справедливости. Об этом уже сказано в моем опусе «Поколение на повороте».

дства. Социология была таким участком. Марксизм был притягивателем для умов аналитических, разлагающих. Помню, как меня увлекало «18 брюмера Луи Бонапарта» — именно силой своей аналитической хватки, демонстрацией скрытых пружинок исторического движения.

Где была неправда? У какой границы искать ее начало? Она была не в методологическом принципе, не в общепринятой истинности, но в какой-то прорывавшейся истинности, в торжествующем покое тождества, в том, как использовался поводок, случаем захватив «я» и так считало. Именно так.

В 40—50-х мм, порядочные люди, не ведали, что творили. Среди воступавшего рабалетия последних сталинских лет казалось, что мы чистые. Это казалось не только нам, но в редакции, которые нашу равнодушие не печатали или печатали, скрипя зубами, а теперь переписать так. Мучителям вид растрепанной уязвленной силы.

Тогда казалось, что остался один язык, на котором все говорит, что он — наша данность, и ничего нет, кроме него. Мы резко ощущали поэтому отклонения от его законов, переживали не столько в радости своего сохранившегося слова, но в замечании, как всеобщий язык прожимает и распластывается в нашем слове. Да, ничто никому не прошло даром.

Гегель различал исторические и неисторические периоды в жизни народов. В жизни отдельного человека тоже есть исторические и неисторические периоды. Они могут на определенных этапах осознаваться человеком в категориях истории.

Историзм и есть осознание событийной, движущейся общей жизни в ее изменчивости форм (формализованности и сблизает историю с искусством) — от самых объемных структур общественных отношений до подробностей нравов, быта, обстановки. Кристаллизация, отложение этих материальных и нематериальных форм движущейся жизни образует культуру.

Соответствие частного существования с историей всегда налицо, но она различна. Возможна между ними глухая связь, субъективно неощутимая, непрозрачная объективно. Положим, косное бытие каков-нибудь не затронутых каталитиками пластов (в наше время едва ли мыслимое). Возможна связь открытая, но не деятельная, когда человек и его пласт подвержены воздействию великой и событийной истории. И, наконец, связь активная — участника деяния, деяния, ответственного в разном смысле и степени, но как бы то ни было ответственного за событие.

Мое поколение и мой круг прошли через разные стадии — всегда под сильнейшим давлением времени. Отрочество и первая юность — пассивное подключение и огромными событиями мировой войны и революции. Двадцатые годы — для меня это Институт истории искусств, приобщение и культурно-историческому течению, будто бы противостоящему эпохе, за своим делом порождением эпохи.

Исторический период, перенятый лично, в подробности, — это научило понимать многое непонятное тех, кто никогда не имел активно исторического существования. Мы все же являлись вкус одевания (как говорил Герцен), хотя и ущемленного. Мы под своим углом уже кого-то учили, печатались, затевали групповые собрания. Нам показались — и недого казались, — что мы — начинающие деятели начинающего отрезка культуры. Вместо того в тридцатые — сороковых — пассивная принадлежность к эпохе сталинизма и войны, со всем, что отсюда следовало.

С половиной пятидесятых кое-кто из нас стал действующим лицом отпела. На правах стариков, хранителей огня, которых окружала оживляющая молодежь. Одним из признаков оживления был бурный разлив стихов, в которые все вдруг — тоже ненадолго — поверило. И молодежь и стариком этот период привнес историческое самосознание, крайнее, впрочем, непрочное. Ренессанс не избрал силу и рассказало, молодежь не созрела, и попутно мы потеряли друг к другу интерес.

Кажется, наступила моя последний период — неисторический. Винокур в своей книге «Биография и культура» определяет биографию как «жизнь личности в истории». Из череды исторических далей и полуаллюзорной активности — получается ли биография? Уж очень не по своей воле биография.

Госка...

Фото Ю. Подкопных.

ЧИТАТЕЛЬ РЕДАГАЕТ РОТЕСТУЕТ ПОЛЕМИЗИРУЕТ

Пусть будет «Деревня Искусств»

Человек, долго занимающийся искусством, приходит к мысли, что подлинный источник творческого вдохновения находится в нем самом. Но, чтобы прийти к самому себе, нужно проделать долгий путь к себе, впитав накопленные предшественниками знания и опыт. Только тогда искусство приобретает сияющую силу, просвещающую человеческую жизнь. И еще для этого необходимо объединение представителей разных школ, профессионалов и любителей, причастных к творческому поиску.

О стремлении к подобному объединению говорят организационные в Европе и Америке своего рода фестивали-собрания, но они не объединяют все искусство и не являются постоянными. И вот, мне кажется, было бы правильно построить недалеко от Тбилиси единственную в мире постоянно действующий центр под названием «Деревня Искусств». Почему «Деревня»? Потому что она несет в себе романтику эстетики, природы, которая является составной частью любого искусства. Необходимо построить ее вокруг исторического памятника, например, церкви как символа вечности, красоты и мудрости. Нам замечательный художник Мирзашавил, которому понравилась эта идея, показал мне недостроенную церковь «Самеба» (Троица), в которой долгое время служила святая Нино. Она находится в живописной местности близ деревни Хашми.

«Деревня» все должно быть необычно, неординарно, иногда даже дерзко, но оправданно смыслом и эстетикой, начиная с жилищ коттеджей и кончая залами для всевозможных показов. Проведение всех построек можно поручить выпускникам архитектурного института и устроить конкурс среди дипломных работ — пусть это будет детскими моделями.

«Деревня» должна одна-две недели в году полностью превращаться в творческую лабораторию, где будут обмениваться опытом и демонстрировать свое мастерство профессионалы и любители искусства всего мира. Тбилиси будет немедленно информирован афишами о событиях «Деревни», и все желающие смогут принять участие в празднике, который должен стать зерном современных идей и истины, необходимых для всеобщего духовного развития.

Можно еще многое добавить к сказанному, но основное предостало творческой фантазии талантливых людей: если они разделяют эту идею.

Я считаю, что трудно построить одной республике такой комплекс, но можно привлечь также все творческие союзы СССР, а также составить контракт с иностранными фирмами. Несколько известных зарубежных фирм уже согласны всячески помочь в создании такой уникальной «Деревни».

Думаю, что для всех нас трудности — не помеха на пути к превращению, в прекрасную идею «Деревни Искусств» — этот вопрос выношу на ваш суд.

Лиана ИСАКАДЗЕ, народная артистка СССР.

ТБИЛИСИ.

Отзовитесь, коммунар!

В интернате, где я работаю, 200 детей-сирот и 70 человек персонала. Как мы живем? В основном пасем, а не воспитываем. Каждый день одно и то же. С утра воспитатель поднимается в спальный корпус с ведром, шваброй и тряпкой в весь рабочий день не выпускает их из рук. Много стрижки. Особенно у мальшей. И опять эти занятия воспитателя. Так и работают — уборщицами, официантами, посудомойками, прачками — как уток, но только не заныта своим делом. И между сил нет: голова устала, сердце колет, тело как чуток.

Но мы еще в более выгодном положении. Завтра у нас выходной, мы дома. А дети? Каждый день в плену режима. И всегда все вместе, стадом. В спальне, в классе, в столовой, на прогулке — везде. В час — на уроках, 2 часа — на самоподготовке, в одном помещении, в четырех стенах. Взрослый выдержал бы такую психологическую нагрузку? Вряд ли! А дети должны гулять они в лучшем случае 1,5 часа в сутки. Разве это нормально? Все неклассные мероприятия — снова в помещении. А поездки в лес, на озеро, в поле, на природу? Куда там! Нет времени!

Это преступно. Дальше так работать нельзя. Должна установиться стереотипная трудная. Они впитывают учительством в мозг и кровь. А новые идеи, новые формы, методы, способы ни у кого нет. Если же и есть, то осуществляют их не дадут. Забудет на корню. Губимся, соримся попусту. Порой из-за чепухи разгораются такие страсти, что коллектив раскалывается. И каждая группа идет войной на остальных. А педагогическое застойное начальство с улыбкой выкинет на все это. Ему надоели на все проблемы. Оно ни за что не отвечает лично. Уверен, закрыл у нас гуно, распусти штат — и никто этого не заметит. Нужно нам институту начальство руководство? Нет. Тогда почему оно продолжает существовать? Непонятно.

Поддавление личности ребенка и педагога у нас на каждом шагу. У нас сегодня положение хуже, чем в сельском хозяйстве. Там, кажется, вырываются из-под железной опеки райкомов, другие органы, которые диктовали всю жизнь крестьянину, что ему сеять, когда, где. А нас, нас и все 70 лет, продолжают вязать по рукам и ногам. Низкой интуицией, самостоятельностью.

Так что же, нет выхода? Тупик? Нет, выход есть. Во-первых, надо укоротить руки администрации. Нужны демократические выборы директора, надо создавать советы школ, включать самоуправление.

Возьмем детей мы сами ничего не сделаем. Пора из послушных и равнодушных детей делать товарищей наших, помощников, участников перестройки. Надо вернуть им. Никого пути нет. И не будет. Казарменная система ушла в прошлое. Нужна система демократическая, какой она была в 20-е годы, в начале 60-х годов. Ведь именно тогда рождался коммунизм в Ленинграде. И она заложена фундамент перестройки нашей школы. Почему бы и не строить новую демократическую школу по принципу коммунизма?

Есть коммунары. Сегодня им по сорок — пятьдесят. Они разбросаны по всей нашей стране. Многие застой вышвырнул их школы за ненадобностью, и они действительно ему были не

нужны. А сейчас? Пора бы Центральному телевидению, нашим уважаемым газетам попытаться собрать их всех вместе на всесоюзный слет. Им есть чем поделиться. Время исполнителей кончается. Нужны хозяева, творцы, мечтатели в реальности, влюбленные в дело, в папу будущего и настоящего.

И только им суждено вывести школу из тупика, куда ее загнали те, кто руководит ею до сих пор.

И. ДАВЫДОВ, коммунар 1959 года, педагог.

ЛЕНИНГРАД.

Не молчите!

После продолжительных дебатов и споров в Латвии возник «народный фронт». Сначала казалось, что наиболее демократия торжествует, потом... Под прикрыванием лозунгов о поддержке перестройки разжигаются шовинизм, национал-радикализм.

Сам я латыш, все предки живут в Латвии, среди них мой дед — красивый латышский стрелок, отец, проважавший всю Великую Отечественную в 201-й латышской дивизии, инвазивной войны. Кто-то упорно стелкает два народа обман, «Латвия» для латышей — вот теперь новый лозунг.

Пользуясь тем, что латышский язык объявлен государственным, все вдруг «перелатишились» по-русски. Вчерашние друзья и коллеги превратились в злых противников. И вот уже в окнах центральной библиотеки висят плакаты молодых студентов — один из них под названием «Лето 1940-го» изображает красную звезду с серпом и молотом, которая вламывается в открытое латышское окно, разбивая его.

Справедливо! Куда идем? Опубличуйте, пожалуйста, мое письмо. О том, что происходит в республике, надо говорить.

Аранд Юрьевич ЛУКИН, инженер-строитель.

РИГА.

Государство дает, чиновник издевается

Моя дочь работает в районной библиотеке в должности библиографа. Поскольку наш район сельский, библиокарки положены льготы за коммунальные услуги. Вот эти «льготы» ежегодно выматывают все нервы работникам культуры.

Опишу на примере этого года. В апреле мы загодя решили получить уголь (дрова у нас в районе достать нельзя). Я работаю в РАЙО, это прямо в здании исполкома. И здесь же помещается централизованная бухгалтерия всех отделов, в том числе отдела культуры. Вот дочь моя попросила зайти в бухгалтерию и взять доверенность на получение угля. Выписали доверенность мне на три тонны. Зять отпросился с работы (значит, потерял зарплату за день), нанял машину за свои деньги, поехал на базу, привез этот уголь. А там оказалась на центнер больше!

В сентябре месяце дочери предложили внести деньги в сумме 48 рублей в кассу за излишне полученный уголь (он в организацию идет по другой цене, чем частным лицам). И предупредили, что, если не внесешь, деньги будут удержаны из зарплаты (которая составляет у нее 100 рублей).

В день зарплаты получить оказалось ничего — эти 48 рублей уже вычли. Дочь пошла и райпрокурору. Тот позвонил, чтобы зарплату выдала, так как не имеет права удерживать.

Тогда в бухгалтерии ей пригрозили, что на будущий год коммунальные льготы ей не будут. Я обратилась сначала в прокуратуру, но там не оказалось ни отчета о нарушении нормативных актов. Тогда я пошла в председателю исполкома, объяснила все, он посоветовал вернуть уголь обратно и взять, сколько положено, дровишек. Снова зять отпросился с работы, второй раз нанял машину, привезли и исполкому 3.100 кг, заложил в бухгалтерию: примите и оприходуйте ваш уголь, а нам отдайте деньги. Гл. бухгалтер отвечает: «Кто вам разрешил привезти, тот пусть и приходит». Разгудили мы его с понятием, и я опять пошла в прокуратуру. Он велел мне написать заявление, вот уж неделя прошла — и ничего.

Дорогая редакция! Вы, наверное, читали и то устала про эти злосчастные «льготы», а нам-то сколько стоило это? Такие мытарства не у одной моей дочери. Они все молодые. Никто маленьких детей. Здоровье им еще пригодится.

И после этого еще хотят, чтобы молодые специалисты ехали на село!

Л. ВАРНОСОВА.

С. СЕНЕВОВА, Горьковская область.

Как бороться с гастролером

По профессии я не писатель, скорее читатель, но ввязаться за неискреннее мне оружие труда — перо — меня вынудило исключительно сочетание малости и самой бедной и самой критичной сейчас организации — филармонии, постоянно разрывающейся между финансовым планом и засильем назойливых, абсолютно никому не нужных гастролеров-классиков. Развлекать из видного-невидимого, все лето играть, петь, все с непонятными амбициями, а ведь чем в конечном итоге занимаются? Воздух сотрясают в пустых, безлюдных залах.

Конечно, если подходить к этой нелепой проблеме, так сказать, глобально, то начать бы надо с закрытия консерваторий, в первую очередь ввиду их года в год поставившихся на не без того перенасыщенный рынок самонадеянных лауреатов, постоянно мешающих нормальной, качественной работе филармонии, почему-то решающих, что не они существуют для филармонии, а филармония — для них.

Но это, конечно, в идеале. А пока приходится бороться с ними менее радикальными средствами, но зато более доступными.

На основе многолетней концертной практики я могу бы назвать солидное пособие. Ограничусь несколькими наиболее важными советами для руководителей культуры на местах. Сразу же скроном предупредительно — лауреаты авторства принадлежат руководству Пермской областной филармонии. Совет первый. Приглашающего артиста не взду-

мать встретить на вокзале (или в аэропорту), чтобы не возманил, что его здесь с нетерпением ждут. С молчаливым надо кончать резню. Если гастролер приезжает в воскресенье или ночью, когда в филармонии концов не сыскать, то считайте, что вам повезло вдвойне, и счет сразу становится 2:0 в вашу пользу. Определенные же найти проще простого: отсутствие телеграммы (доказать, что она получена, практически невозможно, да и кто этим будет заниматься?), опоздание поезда (самолета) или, что, безусловно, надежнее всего, поломка автомашины, предназначенной для артиста. Да, об оплате такси, на котором уже задождрившийся наладчик артист приехал в гостиницу после длительных розысков, не может быть и речи. В дополнение к первому совету: неплохо как можно раньше не сообщать план работы — это нарушает и дополнительно подтверждает, что в вашей филармонии ему ни на что хорошее рассчитывать не придется. Совет второй: разряжайте артистов в худших номерах худших гостиниц, желательно без удобств и телефона. Так для артиста, почти полгода проводящего в поездках, ощущение все неловкости приезде.

Совет третий, пожалуй, основной, касается организации концертов. Самая серьезная вина артиста — если вы дадите ему приличный зал, тогда все, что вы делали до и сделаете после этого, алушту, он оплет и вам заочет. Организуйте концерты в таких местах и в таких условиях, чтобы зловонный самый тесный зал самой маленькой музыкальной школы показался Большим залом Московской консерватории. Очень рекомендую столовые профилакториев, там, как правило, вместо концертных залов — раздолбанные плинно, зато адекватно-любящий запах кислой капусты и интимный полумрак залу элементарной незатехи лампочек создают незабываемую творческую атмосферу сонного вечера. Пожалуй, этот вариант — самый беспроигрышный, но не останавливайтесь на достигнутом. Допустим, музыкант, назав такой, взбрыкнул, фыркнул и отказался играть на столько что, на прошлой неделе настроенном (по словам старшей медсестры, почему-то ответствен. ной за проведение концерта) плинно. Отказы выдвигать платить за сорванный по всей же собственной вине концерт.

Предположим, и вам после всего этого приходит еще трагичнейшая исполнитель (вот ведь жинку, как кошка), тогда — совет четвертый. Никакого конкретного действия! Не оставляйте ни малейшего шанса, ни малейшей надежды, и тогда он и вам больше никогда не придет. Ну в этого, собственно, мы и добивались с самого начала. Напоследок, для гарантии, совет пятый, и последний. Все документы о проведенных гастролях выдвигайте только после последнего концерта. Даже если концерт заканчивается ночью и после него сразу же отъезд. Более того, не позволяйте взыску бухгалтеру даже оформлять эти документы, пока не отлучит последнего нота, вынудите бухгалтерю, что все музыканты — художники, и единственная их заслуженная мечта — не сыграть, а уехать.

И тогда ваша филармония (от греческого — любовь гармонии), объявленная играть ведущую роль в развитии музыкальной культуры, как-нибудь обойдется и без классики.

Если вас заинтересовали данные советы, за всеми подробностями обращайтесь в Пермскую областную филармонию и заместителю директора филармонии С. П. Ермакову и начальнику филармонического отдела Н. М. Ивлеву, чей практический опыт и лег в основу моего труда.

М. КУГЕЛЬ, лауреат международного конкурса, солист Москонцерта.

Кто куда, а мы в собес

Она стояла на мокром асфальте, с недоумением смотрела вслед прощувшему мимо троллейбусу. Чего это он не остановился? Ах не заметил — растерянно глядела по сторонам.

— Не попомню, бабушка, — сказал прохаживая. — Теперь остановка во-он там! Перенесли.

— Опять? А мне-то как с этим? — узнала старушка на сумки с продуктами. — Сиди нет таскать. Ретивый чиновник из городской ГАИ, не подумав о ней, о сотнях таких, как она, словно пооду кард тасует трамвайные и троллейбусные остановки, переносит их с места на место, подальше от сканов для отчаянных пассажиров, от масс по продаже билетов. Люди нерванчают, ругаются, бегут, спотыкаются, при виде приближающегося трамвая или троллейбуса. Но это здорово. А большие, старые?

Много ли вообще думают о тех, кого поналегла война, кто отдал труду все свои силы и здоровье, кто создавал благополучие детям, народу? Как забывают о них, старинах?

Куда идет ветеран, опираясь на палку или грубо силовачный костыль? Либо в магазин за хлебом или молоком, либо в свой райсобес. Здесь его последние пристанища. Здесь, перелетая коряк бунга, ему назначают пенсию, пошлют на комиссию, чтобы определить инвалидность, здесь, если повезет, выйдут путевку в санаторий. Но там же убогие эти пристанищные места!

С болью и обидой прикомы в райсобес Малоякушского района. Каким унынием и убожеством, какими равнодушием веет от тесных общарных коммуналки! Несколько молчаливых разношерстных стульев, полком, выхорощенных как-то на скалку, подобранных и расставленных здесь. Ни графина с водой, ни туалета, ни стола, на котором можно было бы написать заявление. В отдельные дни, когда здесь бывает много посетителей, они толпятся в нормодозе стоек, изымают от вухоты, усталости. А ведь это инвалиды, старые, больные, немощные люди. У него вкатило советские заботы их в эти моменты!

В новом просторном помещении, где разместились Малоякушский районный партия и районсплоном, нашлись кабинеты для многих управленческих отделов. Объявлен конкурс только райсобес. Горюю об этом лисить. Не такой участи заслуживают эти забытые всеми люди на склонах своих лет.

Н. МАЛИНОВСКИЙ, ветеран войны.

ОДЕССА.

Бедные джентльмены

Удивило меня письмо моржов «Почему мужчина бесприван в бригаде» в номере от 18 октября. И хоч у их крестик! ну никак вы считаете, что сто рублей не ребенка — вполне достаточная сумма!

Неверное, вы правы, есть женщины, которые живут за счет алиментов. Но, может быть, потому что я не была в портовом городе, в танк не встречала. А ведь поправки в законодательство, которые вы требуете, коснутся всех женщин одинаково. Бедные женщины перебиваются от зарплат до зарплат, стараются как можно больше дать детям, чтобы дети не чувствовали себя в чем-то ущемленными. Ведь что ни говори, а ущербность алиментов от того, что мы с детьми безбедно живем, остается.

Я тоже считаю, что законодательство, касающееся алиментов, нужно пересмотреть. В каком году были предусмотрены эти 25 и 33 процента? А ведь сейчас деньги, чтобы прокормить ребенка, одеть его и обустроить, идет гораздо больше. А как стареешь, чтобы твой ребенок получил все то, что и ребенок в полной семье? Я, например, только за музыкальную школу дочери платю 25 рублей в месяц. Син ходит в бассейн — еще 3 рубля. Обе в рисовальную кружок — еще 10 рублей. Когда это так было!

А кто возмстит нам бессонные ночи над кроваткой больного ребенка, когда тебя никто не

КАРИКАТУРА... И НАТУРА

Это, к сожалению, не архивный кадр, а реальная гражданская война, когда в холодных горах можно, наоборот, было увидеть такую картину. Нет, этот снимок фотокорреспондент А. Талин-Радко сделал на Тетерском бульваре, в самом центре Москвы. Стремительность, с которой в столице летит комета, не может равняться кометам в космосе. Впрочем, не только кометой. Ведь карикатура, которую мы публикуем вместе с фотоснимком, прислана в редакцию из города Свердловска нашим автором — художником С. А. Шадринским.

поддержит не только физически, но и морально! Подорванное здоровье! И то, что в свои 32 года я поставила крест на своей личной жизни! Муж мне платит 100 рублей, за которые мы так радуемся, дорогие мужчины, на донях детей. Больше не помогает ничем. Зато очень хорошо знает свои права и пользуется ими, когда заочет. Не поздравил детей с днем рождения, а вот в первом сентября вдруг прислал мне телеграмму! Несколько месяцев молчала, в потом законил: «Я приеду на несколько дней и, конечно, я разведусь с тобой, а от детей не отказываюсь». А на сколько месяцев или лет на потом замолчит, а не знаю. Кто же даст мне потом силы смотреть в расстроившиеся глаза детей! Это он еще не женат. А появятся новая семья, дети!...

Я двумя руками за то, чтобы дети разведенных родителей, которые остаются с матерью, виделись с отцом, дружили, проводили вместе время. Но и от такой нервозности, при которой отец злит, от своих прав, а от обязанности остались только 100 рублей алиментов, нужно женщине ограждать. Дать ей возможность спокойно воспитывать детей. Как часто сейчас приходится слышать, а то и видеть женщин, которые сами воспитывают одного, двух, а то и троих детей. И так горько и обидно становится за наших джентльменов!

Т. ГОНЧАРОВА.

А погоду делают так

— Не успел я провести указкой по карте от Урала до Байкала, говоря о распространении холодохода, — сдерживая смех, рассказывал комментатор-синоптик, сотрудник Гидрометцентра СССР, кандидат географических наук Вячеслав Глазунов, — как в исходную точку приземляется муха и ползет по той же карте прямо к Байкалу! А эфир-то прямой, сделать ничего нельзя. Слышу только по внутренней связи — режиссер раздается: «Быч что, еще и мух дресировать!»

— Немало курьезных случаев было рассказано в ходе общения с комментаторами-синоптиками Гидрометцентра, работающими на телевидении. И все же речь шла не столько о смешном, курьезном, сколько о нелепем. Как известно, количество переходит в качество. Вот и с увеличением отряда синоптиков-комментаторов, что само по себе — явление отчаянное, возникли новые проблемы. Да, «полку синоптиков» прибыло в связи с их участием в новой телепрограмме «120 минут». Узначительное увеличение объема работы, выходов в прямой эфир потребовало оборудования студии непосредственно в Гидрометцентре, как и создания так называемого временного рабочего коллектива. Скоплентован он был год назад, в результате конкурса. Но и сейчас не является таким элитным, стабильным. Уходит прежние комментаторы, появляются новые. И, как вышло, не только потому уходят, что время пришло.

Галина Максимовна, например, сетовала на давнюю проблему с транспортом. Но ин телуководство, ни своему начальству до этого, покое, и дела нет. А ведь для того, чтобы подготовиться к утреннему выходу в эфир, надо проснуться в четыре часа. В пять — быть в Гидрометцентре. До шести сидеть, осмыслить и интерпретировать для обывателя восприятия метеоинформацию, набросать свое выступление, себя в порядок привести. До половины седьмого доложить в Останкино о готовности...

А Вячеслав Глазунов в духе присущего ему оптимизма сказал: «Я вообще перед участием в утренней передаче с вечера на работе остаюсь. Здесь и сплю. Ступая в кабинет в район утра, Жиня в пригороде. Оттуда в такую рань ничем не дожидаясь...»

Но транспорт — не единственная проблема метеорологов, ставших еще и телекомментаторами. И режиссеры, и редакторы телевидения поначалу частично навелись в Гидрометцентре, учили первых комментаторов азам дикторского мастерства, прочим премудростям. Но это — пока дело налаживалось. Когда же прогноз пошел по, так сказать, накатанной колее, забыли телевизионщики дорогу в Гидрометцентр. Что же, все логично: пока новость обихаживают — много обещают, а стала женой — марш на кухню!

«Кухни» же синоптиков-комментаторов меня, работавшего некогда на телевидении, пришла в недоумение. Ибо каждый из них — один в семи неспасается. Сам и за метеопроцессом непрерывно следит, сам и сводит, другую информацию собирает, сам пишет и редактирует выступление-обзор, сам рисует карты и дает указания телеоператорам. То есть работает как редактор, художник, журналист и режиссер! И никто ему не помогает при подготовке утренних передач. А во время вечерних помощи эта порция сводится и некомпетентному редактору-оператору, урезанию текста, отчего он неузнаваемо изменяется, становится пресным, не интересным зрителю и слушателю.

Повторяется работа спортивного комментатора и даже комментатора-международника легче, чем комментатора-синоптика!

РАМЕНСКОЕ.

Непредвзятым взглядом

В газете «Литературная Россия» (номер от 16 сентября с. г.) напечатана статья Г. Тюриной под претенциозным, но малопонятным названием «Жесткие игры, или Нескандальный взгляд на околосмузыкальные проблемы». Я бы скорее всего не стал регистрировать на эту публикацию, лишь поспеявшись вместе со многими над ретивым энтузиазмом автора в ее стремлении возвести, как говорится, на «высшую ступень» первого генератора правления Союза композиторов СССР Г. М. Хренникова. Но в статье в разном и циничном тоне говорится о моем учителе, видном композиторе современности и благороднейшем человеке Д. Д. Шостаковиче. И много этого я прочел никак не могу.

Цитирую: «Например, в годы борьбы с космополитизмом великий (и запуганный масштер!) Д. Шостакович отреагировал от своих друзей-«космополитов», в чем перед смертью горюю и сокрушено раскаивался. Он же послонно подписывал предлагаемые ему письма в адрес кого угодно». Так вот. Первое. Никогда Д. Шостакович не был запуган. Статьей «Сумбу» вместо музыки в 1936 г. и постановлением ЦК ВКП(б) 1948 года он был жестоко оскорблен и унижен, но запуган, повторно, не был никогда.

Второе. Шостакович «отражался» от своих друзей-«космополитов»? Это пишется о человеке, который одно за другим подписывал письма Берлину и другим руководителям в защиту многих незаконно арестованных, в том числе и так называемых «космополитов», пренебрегая опасностью, чем это ему грозило. Не эти ли письма имеют в виду автор статьи? Как можно с такой безответственностью говорить о том, чего не знаешь, свидетелем чего не был, оскорбляя память великого человека!

И последнее. Как это часто бывает, излишне ретивые приводят к обратному результату. Медвежий услугу оказала Т. Н. Хренникову автор статьи. Достойность Т. Н. Хренникова заключается не в том, что он, как монолит, всегда стоял на тех же позициях, что и в 1948 году, а именно в том, что его взгляды и вкусы изменялись вместе со временем. И если бы это было не так, не был бы он руководителем Союза композиторов все эти годы.

Юрий ЛЕВИТИН.

РОСКВА.

Через два дня открывает свою работу очередная пленум правления Союза театралов деятелей СССР по проблемам музыкальных театров нашей страны и кардинальному улучшению их деятельности. В преддверии это-

го важного форума, поставившего перед собой серьезнейшую задачу разработки программы деятельности союза в области музыкального театра, мы представляем слово деятелям советской музыкальной культуры.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ СТД СССР

ПОРА КОНКРЕТНЫХ ДЕЛ

Пленум правления СТД СССР впервые соберет тех, кому дороги судьбы оперы, балета и оперетты, — мастеров из всех союзных республик, композиторов, драматургов, дирижеров, режиссеров, балетмейстеров, сценаристов, артистов, критиков. О его задачах и секретарем правления, известным музыкальным режиссером, народным артистом Эстонской ССР Арне Микком беседует доктор искусствоведения Юрий Ставицкий.

крылато народу подлинное сокровище культуры.

Но думают ли об этой высокой миссии артисты десятков периферийных театров, получающие мизерную зарплату, выходящие на сцену в едва «серых» и «одетых» спектаклях, где порой даже в «Иване Суланине» участвуют всего 12 хористов-мужчин? А эти же пустые кресла зрительные залы, в многолюдных трафаретных постановках и неумолимых шагах репертуара наших театров? Ведь на отдельные спектакли оперные коллективы тратят сегодня меньше средств, чем театры драматические. Разве в такой обстановке возможны подлинное творчество, смелый поиск, художественные открытия?

Ю. С. Уже немало коллективов вошли во всесоюзный театральный эксперимент, который расширял их творческие возможности, укрепил материальную базу, открыл новые горизонты деятельности. Как утверждать специалисты, в области финансово-экономической эксперимент дал вполне удовлетворительные результаты, что заметно сказалось и на зарплате артистов.

А. М. Действительно, эксперимент, начатый в январе 1987 года, стал первым шагом перестройки театрального дела. Кстати, многие его положения не нуждались в проверке, а лишь с большим опозданием стали наконец нормой жизни. Самостоятельность в формировании репертуара, антимонетаризация финансовой деятельности — все это способствует обновлению. Но творческие успехи — увы! — оказались не очень значительными. Театры почти не использовали новые возможности прямого сотворчества с композиторами и либреттистами, не очень позаботились о повышении качества новых постановок и расширении репертуара. Выдающиеся сочинения композиторов XX века все еще остаются вне поля зрения коллективов. Да и классика представляется на сценах довольно узко и однообразно.

Ю. С. Как вы, главный режиссер театра «Эстония», относитесь к задачам формирования сегодняшней репертуарной афиши, от чего зависит ее обновление?

А. М. Репертуар каждого коллектива зависит от того, какие художественные задачи ставит он перед собой, насколько точно его лидеры познают свое индивидуальное предназначение, личный вклад в нашу многонациональную культуру. Держать в поле зрения прежде всего в новых произведениях. Необходима постоянная работа над оперой XX века. Но где взять тотный материал? Как познакомиться с интересными произведениями современных зарубежных авторов? А разве не пора и нам обратиться к авторам Э. Дебюсси, А. Шнитке, с которыми сотрудничают театры за рубежом? А сколько самостоятельных произведений в многонациональной советской музыке? Вспомни Р. Шедрина, А. Петрова, С. Слоанского, Г. Канчели, В. Кобсона. Хотя снажу открыто, что уровень большинства оперов других авторов достаточно посредствен и смелых экспериментов, открытый здесь явно мало. Современный, высокохудожественный репертуар — острая проблема. Театры должны стимулировать поиски талантливых композиторов и безжалостно отбрасывать сериальную продукцию, чтобы не скомпрометировать саму идею современного спектакля. Нам нужно искать

свежие, оригинальные формы взаимоотношений и эмоционального диалога с публикой. Новому необходимо взглянуть и на спектакли для детей, которых уже нельзя привлечь старомодными «Красной Шапочкой» или «Терем-Теремом». Сама жизнь требует обновления выразительной палитры спектаклей для детей. Об этом не должны забывать и наши детские музыкальные театры, сеть которых расширяется. Ведь на них лежит особая ответственность — формировать нового зрителя. Думать об этом обязаны все, используя любые возможности для расширения круга юных любителей оперы и балета. Сошлось на опыт театра «Эстония», где по субботам собирается молодежь, открывая для себя мир высокого искусства, где ежемесячно устраиваются интересные мероприятия для детей, где всегда большой интерес вызывают Дни музыки Георга Отса и где на традиционных вечерах «О театре с открытой душой» зрители могут задать интересующие их вопросы и получить ответы от признанных мастеров. Мы берем примером национальную традицию, работаем о воплощении произведений эстонских авторов и в то же время заинтересованы, внимательно относимся к советской опере, и мировой и русской классике.

Ю. С. Ваша постановка «Борис Годунов» М. Мурсорского с успехом прошла в Париже, в интерпретации «Хованщины», осуществленной В. Покровским также на эстонской сцене, стала событием музыкального фестиваля в Финляндии и вызвала большой интерес московской публики к дни открытия Театра Дружбы народов.

А. М. Говоря об этих работах театра «Эстония», которые приносили всему нашему коллективу радость встречи с гениальной музыкой М. Мурсорского, хочу подчеркнуть, что в 1989 году исполняется 150 лет со дня его рождения, и я надеюсь, что по инициативе СТД СССР в Ленинграде будет проведен фестиваль, на котором прозвучат все версии опер великого композитора. В 1990 г. — 150-летие П. Чайковского, в 1991 г. — 100-летие со дня рождения С. Прокофьева. Здесь большое поле деятельности для СТД и всей театральной общественности. Ведь у нас в стране до сих пор нет ни одного престижного международного оперного или балетного фестиваля. А их в мире немало, и каждый имеет свою художественную концепцию, направленность. Наши певцы, к примеру, принимают участие в оперных фестивалях в Одибурге, Зальцбурге, Вероне. Пора СТД и Минкультуры СССР подумать о создании постоянных международных и всесоюзных фестивалей и оперных, и балетных.

Ю. С. Что же, по вашему мнению, нужно прежде всего сделать для выхода наших музыкальных коллективов из кризисной ситуации? Деятель музыкального театра идут от СТД СССР конструктивные, компетентные решения и конкретные дела.

А. М. Чтобы как можно скорее выйти из кризиса и застоя, необходимо в корне изменить и саму театральную систему, и общественное отношение к музыкальному театру, сделать ее возможной, чтобы он стал важнейшей, а не только престижной ил. вернее, подобной частью духовной жизни народа, создать условия для смелого поиска, увеличения дотации, ввести систему контрактов, снять рогатки и ограничения в утверждении новых моделей театров, в реформировании коллективов и в составлении репертуарной афиши, активизировать пропаганду, подключить ИТ и радио, которые обязаны противостоять напору массовой музыкальной культуры. Важнейшая проблема периферийных театров — их взаимоотношения с местными советскими органами власти, действенная и своевременная помощь которых очень нужна этим коллективам. До каких пор оперно-балетные театры будут работать по единому стереотипу? Не пора ли создавать больше амernih музыкальных театров, по-ловому взглянуть на оперетту? Необходим всесоюзный центр музыкального театра, который бы обобщил опыт и разрабатывал стратегическую комплексную программу совершенствования нашей музыкально-театральной культуры. Давно назрел вопрос о создании журнала «Советский музыкальный театр». Практика подсказывает множество злободневных проблем, и мы надеемся, что пленум станет стимулом дальнейшего развития всех жанров советского музыкального театра, будет способствовать активизации поисков в музыке и драматургии.

ПРОЗРЕНИЕ

Дела у нас в музыкальных театрах плохи, как и вообще дела в нашей культуре. Нет смысла обманывать в этом друг друга или кого-то «сверху». Состояние культуры от этого не изменится, не изменит его и тот, кто от нее далек, у кого нет потребности в ней. Ни экономичку, ни политику, ни сельское хозяйство, ни общественные и социальные устройства потерявших культуру не восстановить. Указания, решения, постановления и резолюции достаточно приоткрыли развитие культуры нации. Единственным рычагом спасения ее осталась наша профессиональная совесть. К ней и обратимся.

Нас глушит Дилетантизм. В прошлые годы невежество в оценках великой культуры открыло перед ним ворота. Главный признак нашего дилетантизма — искажение природы искусства. Особенно наглядно это подтверждает сегодня оперный театр. Музыканты считают оперу искусством музыки, певцы — плацдармом воинственного утверждения самостоятельного искусства вокала, художники — пристоением зрелищности. Метастазы этой болезни — абраксасы театральные сопутствующие музыкальным театрам деятелей от союзного министерства до руководителей театров, от плохо обученных творческих кадров до заблужденных любителей — оперы, до необоснованных критических позиций.

Музыкальный театр любого жанра — это прежде всего театр, а особенности опера. Главное в ней — драматургия и слово, подготовленное музыкой. Не зная этого, министерства успокаиваются, назначая в руководители музыкальных коллективов дирижеров, которого никто и никогда не учил ни жанром театра, ни музыкальной драматургией, который к тому же не обучен действенному анализу оперной партитуры и в лучшем случае готов полагаться на композитора-режиссера, если он такого найдёт. Уровень образования в консерваториях таков, что на сегодняшний день ни дирижеры, ни певцы не видят принципиальной разницы между художественной функцией музыки в опере и симфонической; песенной, эстрадной, романсовой и камерно-инструментальной; балетной, ораториальной и музыкальной. Певцы не проявляют интереса к стилю, слову, интонации (окраске звука соответственно действенной задаче). Будто и нет интонации в опере музыкально-вокальной драматургии. Кто в консерваториях и театрах борется с «протооперальным певением»? Кто воспитывает в певцах шпалейский метод создания вокально-сценического образа? Кто его знает!

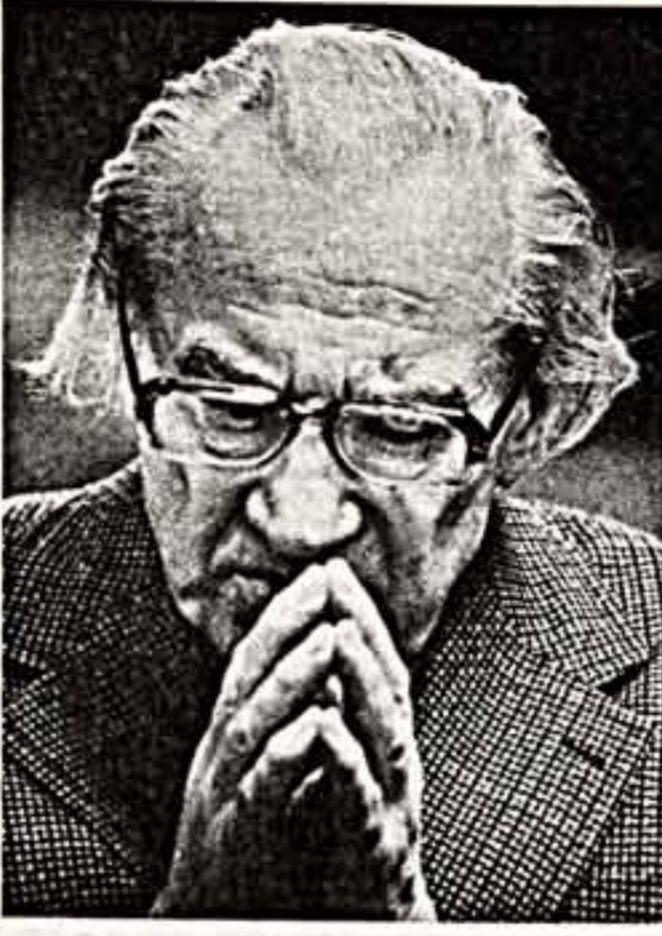
Как был Читаль! Самоубийца! Потом уже учить других. Читаль Вагнера и Шалалана, Чайковского и Крамера, Станиславского и Верди, Брента и Немровича-Данченко. Читаль Мурсорского, Ленского, Пазовского, Глюка, Фельдштейна, Серова, Стреллера, Дегромского... Боже мой, как много умных людей думало об опере! А мы! Судим-радим, не зная о чем. Вокальная культура среднего оперного артиста находится на уровне XIX века. Интонация XX века не освоена. Намно думать об успехе искусства, отставая в художественном мышлении на сто лет! Кого в этом винить! Только себя!

Обратим ли вы внимание на то, что современный музыкальный театр процветает тогда, когда он имеет хорошего режиссера! Знаете ли вы, что ни один оперный театр не был создан певцом или дирижером! Только режиссером! Тем более — театр XX века, могущий существовать в современности. Дефицит на хорошего режиссера в музыкальных театрах не случаен. Он рожден по-ловоому, в котором поставлен в оперном театре режиссер (и морально, и материально). А без режиссера театр оперы превращается в концерт режиссера певцов, как говорил Вл. И. Немрович-Данченко. Как воспитывают режиссера, какие требования к нему? Кто идет в эту уникальную творческую профессию? Кандид театр, коллектив должен искать певцов для себя режиссера, не ждешь, кого пришьют, чтобы облить его критиканом и сценическим недоверием. Видно, нужно знать, что такое оперный режиссер для жизни театра, а это — признак образованности. Ее не хватает у тех, кто противопоставляет две равные специальности, режиссера и дирижера, редуцирует над тем, кто главнее? Это делают в министерствах, его отдавая музыке (!), в которых, по необходимым обстоятельствам, решаются судьбы оперных театров.

При оценке режиссера музыкального театра в первую очередь надо судить по его таланту воображения. Признаки образованности, музыкальности, организаторские способности второстепенны, всему этому можно научиться, все это можно развить, окультуривать. В крайнем случае недостае в этих свойствах могут быть заполнены другими специальными. Но воображение, способность фантазировать, в значении, сочинять, рождать образ, утверждать собственное видение — уникально, только оно свидетельствует о качестве режиссера, его таланта. Артисты предпочитают режиссера, который «ставит удобню». В одной столичной газете появилась рецензия на то, что он поставил оперу на сцене так, чтобы им было удобно смотреть на дирижера. Значит, до сих пор критикам неизвестно, что «смотреть» на дирижера во время спектакля — признак немучительности певца. Это ли не дилетантизм критики восьмидесятых годов XX века! Кто в нем виноват!

Воображение режиссера музыкального театра испытывает от искры, рожденной сопоставлением действия и слова с одухотворенной из эмоции, музыки. Здесь — эстетическое искусство. Здесь — главная действующая сила оперы не зритель-слушатель. Слово-действие и звук должны восприниматься одновременно. Певца так называемая широкая публика, требующая от певца-актера адекватного слова и осуждающая исполнение оперы не иностранным языком. Последнее — верное средство превратить оперный спектакль в концерт развлекатель. Этот «принципиальный» космополитизм уводит советский оперный театр в сторону. Надо помнить, чем продиктована необходимость на Западе строить театр оригинала, это — результат международной гастролирующей системы звезд. Профессиональная наша обязанность — сохранение принципов русского национального театра. Одно другому не мешает, но никак одним подменять другое.

Улучшить отсутствие разнообразия в наших театрах. Дело здесь не только в репертуаре, но в логике именно национальных черт искусства. В исполнении, в постановочных решениях, природе темперамента, особой образности нельзя ее подгонять под общесоюзный миф, что еще хуже, «американизированный» трафарет. Где разнообразие форм, стилистик, жанров! Где студии, камер-

Борис Покровский, народный артист СССР.

ные театры, театры мюзикла, оперные кукольные театры! Опыт эстрадных оперных форм замечательно, но не мало, он редок. Где диалог-опера, рок-опера! Где театр современной оперы! Интерес публики к ним, как показывает практика Московского камерного музыкального театра, огромен. Студия этого не делать: ведь все в наших силах! И эти силы должны освободиться от пут бюрократии, сдерживающей рождение новых начинаний.

Музыкальные театры (как, впрочем, и драматические) в организационном отношении «сидят на двух стульях»: с одной стороны — милосердием друг к другу (никого нельзя тронуть, все должно быть, однако материально и творчески обеспечен), а с другой — никто в высшем профессиональном, административном, оригинальном (обязательно оригинальном!) театре, театр личности, энтузиастов, смелых поисков, одним словом — современных талантов. Надо выбрать что-то одно смело и без колебаний.

Наш музыкальный театр может быть спасен немедленно, если он будет современно обучен и профессионально воспитан. На примыках знаменитых консерваторий и институтов поражают бескультурье будущих деятелей культуры. Этих людей, если у них есть хоть малые способности к оперному искусству, надо принимать как «белый лист» и быть готовым к тому, чтобы написать на нем правду задач современного искусства, правду о будущем искусстве, а не ложь, о прошлом. Для этого надо самим знать эту правду, а она не дотма, она — давняя, процесс, она — постоянно развивающиеся принципы, не ругать, а традиции! И этому поможет наша совесть. Нельзя быть, но благо оставить свое теленное старшим гравим место для другого? Отказаться от удобства, принисмие «положенности» чтобы совершить такой подвиг, надо знать свои ошибки, а это — прозрение, радио посещающее нас. Значит, борьба. Борьба идей, знаний, убеждений. Частная, принципиальная, без выключения мощной силы невидим.

Совест! Где прописаны ее параметры? Совесть — нравственный самоконтроль, но на каких интересах мы исходим при этом! Мы — материалисты, часто примитивные, категория советские в общественном плане для нас подозрительна, она осталась в сфере личной, так сказать, частной собственности. Поэтому мои рассуждения могут быть приняты как деловые угрозы как нечто наивное. Я же вижу здесь единственную силу художника, она — энергия, движущая нравственность искусства.

Слишком много времени и активности мы отдаем заботе о ставках, премиях, личном комфорте, зарубежным гастролям, званиям... Все это надо заслужить, а не требовать. Научимся строить вокальную фразу не по формальному музыкальному трафарету, а по законам драматургической логики: научимся «петь», как говорим! А не разговаривать на notes; приобретаем пластику движения, не будем на сцене переваливать свое толстое нетренированное тело со стороны в сторону, освоим тайны сценического самоощущения; добьёмся звучных согласных; будем дирижировать не музыкой, но оперой, то есть змощней драматургического вите; ставить спектакли по высшим законам воображения, возбудившего музыкально-драматургическим открытием автора, — тогда придет признание и к нам, и к опере.

Опера — это не только то, что обязательно предполагает двойной-тройной состав оркестра, певцов — хрипящей «белых» и «белых», дорогие костюмы и декорации. Средства могут быть разные (бедные в том числе), важна дуговая сила действия! В разных формах, масштабах, приемах, жанрах. Но обязательно обогатим энергией современных проблем современности. Такая опера очень нужна миру и каждому из нас. Это сила духа, повторного и забытого, зелопаемого, осмысленного.

Боюсь, что на предстоящем пленуме СТД СССР мы будем требовать, обвинять, жаловаться, оправдываться, искать виноватых и клеветать на. Решать главное в проблеме оперы — наша судьба. Я не скептик, я оптимист. Опера в широком понимании этого феномена постижение человеческого своей сущности сейчас нужна, как никогда. Развея, не предсмотренная, не предугаданная. Поэтому у нее великое будущее.

Надо хранить в тайниках своей профессии допотопические зарисовки русской культуры, служить им, верить в них, любить их и развивать. Много страдания у человека; не долю каждого до нас достается тыма непереносимых сердечных мук и воспрещаются душу великой радости. Они — жизнь человека. Нельзя допустить, чтобы из залов асфальта безразличия, чтобы сердца наше «обросло мхом» или стало «восматыва».

Если мы в своих спектаклях хоть немного приоткроем драгоценности духа человеческого, в оперном театре будет столько же народа, как в трам. Сумеет ли!

Борис ПОКРОВСКИЙ, народный артист СССР.

«В ПОНСКЕ ОБРАЗА». (На репетиции балета «Вальдер» в Свердловском академическом театре оперы и балета имени Луначарского).

Фото В. Борцова.

ТРЕВОЖИТ ВСЕХ

Давайте откроем окна

Несколько лет тому назад в виде эксперимента в нескольких театрах Советского Союза, в том числе и музыкальных, была введена система переизбрания артистов. Прошло время, и как мне кажется, система себя не оправдала. Она в основном служит целям избавления от неудобных, а не целям освобождения театральной труппы от балласта. Система переизбрания противоречит духу перестройки и гласности. В ней есть что-то порочное и унизительное.

Театр, в меня в виду его внутренней жизни, не изменился со времен А. Н. Островского. У него те же болезни и те же проблемы. Театры у нас государственные, социалистические. А многие социальные законы и права грубо нарушаются и попираются.

В театре честный, добросовестный тружаник, отдавший жизнь и здоровье искусству, больше, чем бездельником и бездарей. Там не лучше ли театру избавиться именно от них! И не тайным голосованием, а открыто. И совсем не обязательно уничтожать честных работников, заставляя их писать просятельные заявления о переизбрании на следующий срок, принуждая их, как послушных, сидеть перед худсоветом (который в основном состоит из ветеранов и мдеи, что кто-то

из личных побуждений может их не переизбрать). Мы сами себе лишаем сознательно свободу слова и свободы личности. Трудно оставаться до конца честным и принципиальным. Ведь если ты попробуешь отстаивать свое мнение, не совпадающее с мнением руководства, то автоматически попадаешь в разряд нежелательных. Поэтому мы в большинстве своем лицемерны. Правду мы говорим только в кулуарах и в тесном кругу родных и близких. Ради получения жилахладки, ради хороших ролей, очередной ставки или звания мы вынуждены, как провинно, идти на сделку со своей совестью. Попусту помалкиваем.

В наше время не обязательно иметь блестящие актерские данные, хороший голос, профессиональное мастерство. Умение примиряться, не портить отношения с начальством, активно заниматься общественной работой — вот залог успеха! Но тогда зададимся вопросом: «А при чем здесь театр!»

Сейчас время перемены, время демократизации и гуманизации. Застой в театре должен когда-то закончиться. Давайте же откроем окна и вдонем свежего воздуха. Искусство от этого только выиграет.

Виктор СЫТНИК, народный артист РСФСР, СВЕРДЛОВСК.

СЦЕНА

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ СТОД СССР

Новые соперники... Большого

Два-три года назад во Всесоюзную комиссию музыкального театра стали приходить люди, одержимые идеей создания своего театра...

Темным образом возможно решить сразу несколько задач. Композитор имеет возможность услышать то, что написал. Другие театры будут знакомиться с новым сочинением...

Серьезнейшая проблема — театр и молодежь. Какой театр нужен молодежи? Когда композитор А. Рыбинков предложил молодой музыкантский центр...

Все четыре коллектива уже существуют. Один фактически начал работу, другие продолжают последние «бумажные» приготовления...

Как складываются отношения новых театров с Союзом композиторов? Во-первых, оказываясь с ним активное творческое и организационное взаимодействие...

На главном русле, по которому должны развиваться отношения Союза композиторов с новыми театрами...

А. БОГДАНОВА, заместитель председателя всесоюзной комиссии музыкального театра СК СССР.

НА ФОТОКОНКУРС

А. ГАЛАГОЗА. «Впечатление». П. АГАФОНОВ. «Идет ретептиция».

ТАЛАНТ И «ЗАКОН СТОИМОСТИ»

Сотавать на отсутствие талантливых оперных певцов нам явно не приходится: их во все времена было немало. Но почему же столь часто сталкиваемся с драматическими ситуациями...

Можно сослаться на неподвижность и одиозное репертуара большинства наших оперных театров, и это, безусловно, будет правдой. Но далеко не вся правда...

Он, в частности, предполагает прямую зависимость между степенью таланта, мастерства и размером материального вознаграждения. У нас же понапросто наоборот...

Как же бороться с неравномерностью в искусстве? Ответ, конечно, стало бы крупным шагом вперед. Но только первым шагом.

тически применяют лишь в Тбилиси и Таллине. Почему же эта прогрессивная система внедряется с таким скрипом?

Прочтем, сама по себе перспективная оплата не является еще панацеей от неравномерности. Чтобы стать действенным инструментом селекции...

Конечно, мы не можем гнаться за Западом, где гонорары «звезд» исчисляются многозначными цифрами. Но если исходными данными являются цифры...

Поспектакльная оплата насущно необходима нашим оперным театрам. С ее помощью можно, помимо всего прочего, приостановить чрезмерную миграцию лучших певцов...

Ведь ни для кого не секрет, что многие руководители театров предпочитают иметь дело с ю-

слушной посредственностью. При существующей системе они, как правило, не заинтересованы в том, чтобы создавать для талантливых певцов режим наибольшего благоприятствования...

Монополия каждого театра на своих солистов стала сегодня серьезным тормозом. Ведь без позволения руководства они даже при длительном простое не имеют права выступать на стороне...

Недавно Евгений Колобов (сначала на страницах журнала «Музыкальная жизнь», а позже — на встрече со зрителем) как пример высочайшего профессионализма привел Лучано Паваротти...

Пример, что и говорить, впечатляющий, хотя и не вполне корректный. Колобов — идеалист, что для художника, вероятно, даже и хорошо...

В конце концов дело не только в собственно материальной стороне вопроса. Суммы гонораров, получаемых, к примеру, тем же Паваротти, отражают прежде всего реальный общественный престиж...

Словом, пора бы уже уяснить: для того чтобы талант мог раскрыться в полную силу, ему необходимо создать соответствующие условия...

Дмитрий МОРОЗОВ.

ТРЕВОЖИТ ВСЕХ

Болезнь «младшей сестры»

Если состояние оперного театра сегодня утрачено, то не менее плачевно и положение его младшей сестры — оперетты.

В то время как литература, кино, драматический театр активно реагируют на все явления нашей бурной, нервной, но интересной действительности, музыкальный театр продолжает жечь в ритмах времени прошлого века.

Настало время нашим театральным деятелям серьезно задуматься и над этим, на мой взгляд, немаловажным вопросом. И как хочется пожелать большой и прекрасной сцены музыкального искусства крепкого здоровья и расцвета!

ЛЕНИНГРАД. Н. ГЛУШКОВА.

Иногородние или свои?

Мы часто бываем на спектаклях местных театров оперы и балета и музыкальной комедии. И как истинные их поклонники мы очень болезненно переживаем определенный сдвиг в этих прославленных творческих коллективах.

Несомненно и то, что творческие составы театров нуждаются в обновлении, в пополнении молодыми талантами. Существующая порочная практика приглашения в наши театры иногородних артистов при полном игнорировании местных кадров...

Хорошо бы знать эти пороки, так мешающие нормальному развитию театрального искусства.

И. КОСОВ, Л. РОГОВ, ОДЕССА.

МАСТЕРА — ВОИНАМ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМ

14 ноября 1988 года на сцене ГАБТа СССР состоялся благотворительный гала-концерт звезд оперы и балета отечественного театра. Весь сбор от концерта поступил в фонд строительства реабилитационного центра для советских воинов-интернационалистов.

Какое тысячелетие на дворе?

Прокатная афиша музыкальных театров наводит на размышления печальные. Например, шесть из каждых десяти балетных спектаклей, показываемых театрами РСФСР, — классика...

И это не только характеристика балетного проката, это общая тенденция музыкального сценического искусства нашей страны. Добавим к четырем балетным названиям еще три оперных: «Евгений Онегин», «Иоланта», «Цыганский барон»...

Проблема кинификации репертуара поднимается не впервые. Дилемма этот поставлен давно. Почему же до сих пор гордится одним, а игнорирует другой? Почему не решаются разорвать пути репертуарной узости?

Чтобы быть голословным, возьмем для примера прокатную статистику хотя бы нескольких спектаклей, включенных в афишу Первого всесоюзного фестиваля музыкальных театров, прошедшего в Минске в декабре прошлого года.

Проблема кинификации репертуара поднимается не впервые. Дилемма этот поставлен давно. Почему же до сих пор гордится одним, а игнорирует другой? Почему не решаются разорвать пути репертуарной узости?

человек, не говоря уж о малых городах и селах, так что надо обеспечить охват. Смирившись же с этим порочным практикой экономии на искусстве...

В результате всесоюзный музыкальный театр стал так же реинтерпретирован: такой напряженной практикой деятельности не ведет ни один музыкальный театр Европы или Америки.

Параллельные спектакли в музыкальном театре не могут быть полноценными, да еще при нынешних штатах оркестра, хора, балета. Вот и получается репертуарный отпечаток театров лидер из лидеров...

Сколько лозунгов провозглашено с высокими трибунами, когда музыкальные театры разными способами, прямыми административными приказами или экономическим давлением заставляли увеличивать число показываемых спектаклей!

Вообщем спектакли для детей дают музыкальные театры четверть общего числа зрителей. Это было бы прекрасно, если бы за работой с

человек, не говоря уж о малых городах и селах, так что надо обеспечить охват. Смирившись же с этим порочным практикой экономии на искусстве...

В результате всесоюзный музыкальный театр стал так же реинтерпретирован: такой напряженной практикой деятельности не ведет ни один музыкальный театр Европы или Америки.

Параллельные спектакли в музыкальном театре не могут быть полноценными, да еще при нынешних штатах оркестра, хора, балета. Вот и получается репертуарный отпечаток театров лидер из лидеров...

Вообщем спектакли для детей дают музыкальные театры четверть общего числа зрителей. Это было бы прекрасно, если бы за работой с

иным поколениям стала продуманная политика эстетического воспитания. В последние годы появились музыкальные переложения известных детских произведений из страны музыкальных театров...

Доведя прекрасную идею увеличения числа зрителей до логического абсурда, мы планируем театрам не привлекать, а отлучать зрителей. Впервые продажная любая цена билета уже обернулась сегодняшним пустым местом в зале.

Изменить афишу музыкальных театров поможет, надеюсь, предоставленная им творческая самостоятельность. Но изменить политику проката в рамках сложившегося экономического положения театров практически невозможно.

Е. ЛЕВШИНА.

